

Николай Грицай

ХРОНОС

Николай Грицай

Хронос

«Издательские решения»

Грицай Н. В.

Хронос / Н. В. Грицай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935905-6

Роман в трех частях о юном Шерлоке и его друге Хиспе, жителях мегаполиса будущего, возжелавших изменить прошлое, попав в него с помощью чудесной машины, созданной гениальными умами, однако используемой по стечению обстоятельств для развлечений. Юношеский максимализм и молодая страсть заставляют друзей отправиться в небывалое и рискованное путешествие на задворки механистического мира будущего, полного опасностей, где можно потерять самое главное — жизнь, еще до начала осуществления задуманного.

ISBN 978-5-44-935905-6

© Грицай Н. В.
© Издательские решения

Содержание

хронос	6
Часть первая	7
Пролог	7
Глава I Под тяжестью мечты	9
Глава II Нежданное пополнение	15
Глава III Они пропали!	23
Глава IV Яркой ночью	32
Глава V У подножия Вселенной	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Хронос

Николай Валерьевич Грицай

© Николай Валерьевич Грицай, 2018

ISBN 978-5-4493-5905-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*В чужом саду не рву я яблок
Пытаюсь сам выращивать я их!*

χρονος
(Χροнос)

Часть первая

Пролог

Не все существующее ценно экзистенциально, и не все кажущееся туманно, бесплотно и не воздействует на живущую природу, осознающую, свою живость. В этом главный принцип, скрытый под разными именами, но интуитивно приятный многими, если не всеми людьми. Спор возникает лишь насчет наименования. А это конечно, мелочи. Главное, чтобы сохранялась связь с естеством. Слово – потерпит и уступит место вечности, в которой ничего не нужно, кроме созерцания и чего-то по-настоящему вечного, не могущего истлеть на середине пути к бесконечному.

Если положиться на конечное, видимое, останется привкус подмены и ложного ожидания. Истина останется во тьме, непознанная, ожидающая своего Колумба, не убоявшегося трудностей и путем определенных манипуляций, дерзнувшего вызволить ее как принцессу из заточения в замке чародейки путаницы, окруженного рвом неверия и неведения, в чем и заключается основная трудность, иногда не разрешимая для большинства. Трудность исчезает, если потратить несколько квантов бесценной энергии, данной нам всем от века, словно заплатив цену за билет, и тогда сам путь будет легким, и даже приятным. В этом многие соглашались, прошедшие его от начала и до той точки, где они сейчас находятся. Конца у него нет. Даже смерть здесь бессильна – она лишь граница, путь продолжится и после нее. Но страх ее отвращает от пути и сбивает часы жизни – нам кажется, что тратить время на неизведанное, не гарантированное и смутное мечтание, просто кощунственно, уходя с головой в иные заботы, что не стоят даже мгновения из данной нам жизни. Зачастую этот парадокс решается сгоряча, быстро и однозначно в пользу внешнего состояния. И еще чаще по образцу, предложенному большинством, навязавшим свою волю, приучившим соглашаться с безликой массой в сто глоток, машинально, по умолчанию, без внутреннего обсуждения с тем, что заложено как громкоговоритель у нас внутри.

И главный страх этого мира даже не в том, что могут появиться мысли о таких состояниях, а в самом наличии их от рождения. Дестабилизирующие, они наносят урон, конечно, устойчивости, к которой стремится цивилизация, как гарантии бесконечного развития и накопления, но только в осязаемом прикосновении мире, а не мире иллюзий. Все истое должно быть потрогано, опробовано и расставлено на свое присущее место в системе ценностей. Тут система. Она довлеет и имеет свои критерии. Строгий подход и фильтр оснований, помогает основной задаче. Время проверяет решение относительно того или иного факта. Важная задача ложно поставленная – правдиво и всецело объективно расставить рейтинги вещам, даже тех, которые к вещам никак не принадлежат. Осознать их, охватить и выделить заслуженное место среди других сущностей, опробованных и подтвержденных прикосновением руки ли, вивисектирующего разума – наша задача.

К еще большему несчастью общества, подлые мысли как реакция на процессы, прячущиеся глубоко внутри человека, вспыхивают слишком рано, на заре жизни, мешая развиваться, приспособиться к реальной жизни, уводя в мечты. Распознать их и вылечить ответом, или же запретить под страхом остракизма, – вот основное правило «человеколюбия» в нашем мире, выработанное на протяжении многих времен и ценой множества жизней. Для этого нужно заглядывать в души, чтобы видеть. Но они так и остались потемками, недоступными науке и порождениям ее – технике. Впрочем, состояния интоксикации вредными парами, поднимающимися из глубин первородного, видны бывают особенно ярко в поведении и устремлениях

людей. А еще в глазах. Это – вообще все выражающее зеркало состояний! Но мы уже не смотрим в глаза, но больше на часы.

Именно таким свойственным почти всем молодым людям бедам подверглись юные, окончательно не созревшие для принятия судьбоносных решений души молодых людей, давно друживших и занимавшихся в одной школе. Беда же заключалась в том, что они увлеклись пустотой, наличностью, взятой в кавычки общественных ценностей. К свершениям позвала природа, они откликнулись достойным рвением, но попались на крючок недостойной истинного подвига идеи и технического воплощения.

Глава I Под тяжестью мечты

Об одной молодой, но очень умной голове, и о том, что бывает в ней, если ее слишком рано посвятить науке, а равно и о другой не менее светлой, но набитой соломой юной голове.

Двое молодых людей, обутые в огромные ботинки на толстой подошве шлепали по безжизненному, лужистому, влажному бетону глубокого колодца, где стенами по обе стороны приходились высокие строения, теснившиеся друг к другу почти без зазоров. На дне колодца не было, не могло и не должно было быть жизни. Лишь путь неизведанный вперед, или назад, к обыденщине и смирению. Ничто не способствовало живому на этой глубине, пусть и поверхностной, и не сохраняло жизнь. Архитектор этого адского места знал о запретной зоне для пребывания живых существ у подножия башен, граничащих с границей города, поэтому постарался как можно меньше тратить сил и вдохновения на то, чтобы разработать сколь либо приемлемый дизайн и форму низов, фундамента, по крайней мере, не уничтожающих немедленно случайно забредшие в лапы его творения живые существа. В общем, учтя закон, он не учел главного – настоящая жизнь сама выбирает куда ей идти, и предсказать этот путь эволюции невозможно, и выбирает она, как правило, именно самые неожиданные маршруты с осложнениями. Такова настоящая жизнь, все остальное – приспособление. И вот живые, трепещущие теплом, мечтами и мыслями существа опустились на дно человеческого творения – в предназначенном для себя месте жизнь возгорелась двумя почти заблудшими тенями, что плелись наугад в сумрачном тумане, находясь в русле длинной изгибающейся руки-улицы.

Сверху в дымке проплывали смыкающиеся соединительные мосты половинок зданий. Внизу казалось, что вверх взмывали два ряда зданий. Однако это было не так. На самом деле это были множество разных строений, одинаковых лишь тут, внизу, где их никто никогда не видел и не должен был. Здания, разделенные книзу на две опоры, сливались мостами поочередно через равные промежутки где-то гораздо выше, оставляя лишь небольшое расстояние между каждым из соседних строений. Вся красота современной архитектуры, если таковая была в пограничных бедных кварталах, начиналась от жилых уровней. В нулевых уровнях зданий обитали механизмы. Обслуживающим сотни тысяч людей механизмам было наплевать и на туман, и на одинаковую серость и вечную мглу низа. Механизмам некогда любоваться – они заняты, помогая орде людей живущих в колоссальном кондоминиуме чувствовать себя свободнее в этом вечно занятом мире.

Удивительно, но здесь внизу подозрительно мало мусора и хлама, коего накапливалось достаточно в других более оживленных кварталах города. Жизнь одухотворяла собой жилые ареалы обитания, загоняла в нору тоску и уныние, но приносила также с собой сор и кое-что крупнее, что, кажется, останется нашим предкам в виде окаменелых остатков нашей цивилизации. Здесь же, в виду отсутствия людей, все было так, как оставлено строителями после заложения и возведения башен. Удивительная реликтовая сохранность – хоть музей открывай. Стыдно было даже фольгу-обертку от завтрака бросить! Впрочем, люди не хотели оставлять следов, да и фантиков у них не было лишних. Несколько миль однообразного «порядка», тишины и случайного, неожиданного, проникающего глубоко под одежду и кожу спины выдоха очистительного фильтра где-то в дымке позади, сбрасывавшего лишнее давление, и скучной стройности подножия зданий, быстро наскучили и заставили обратить внимание на другие феномены дна города без жизни, где она была запрещена законом. Тут уютился тусклый мир разбавленного серого света. Приходилось присматриваться, чтобы хоть что-то увидеть уже в десяти шагах впереди себя. Все одинаково серое, обесцвеченное. Тут можно было целую армию спрятать, и никто бы не заметил, даже сам генерал, командующий ею. По мере движе-

ния, постоянно выплывали из темноты чудные очертания различных приборов и приспособлений, во мгле порождавших дивные фантазии и ассоциации.

До окон первых этажей очень далеко, высоко. Фундамент окраинных строений поднимается вплоть до нижней границы тумана. Даже желтый, знойный свет Светила, фильтруясь сквозь сотни футов его, скучнеет, и становится серым. Иногда кажется, что свет, стекая по мрачным, черным от времени, извечно сырым стенам глубоких колодцев высоток, набирается унылости еще и от них. В итоге даже на ту высоту, где уже обитают первые люди, он приходит, несмотря на скорость, с какой падает с небес, уже грязным и безликим, теряя все предназначенные для человека радость, тепло и цвет. Про грязное дно и вовсе говорить нечего. Но со временем ко всему привыкаешь. И даже от яркости и желтизны света хмуришься, если удастся вырваться из плена тумана, – скрываешь глаза, прячешь их за линзами стекол – больно с непривычки. Анормальность становится нормой, первичная норма забывается. И что такое норма? Лишь сглаженный временем скачок изменений, приведенных к удобоваримому основанию, годному для общего восприятия и согласия. Раньше норма была жить на третьем этаже – солнце и там мешало спать, мозоля глаза, теперь на сто третьем. И все равно, кажется низко, ибо туман уже и туда подбирается. Растем вверх, как того и хотели, впрочем, преследуя иные цели, такие же туманные, уходящие в совершенно необозримое будущее. Экономика в душах наращивает этажи один на другой, словно желая добраться до небес таящих главный клад, коим желают завладеть все без исключения. Так обезьяна в старом опыте, складывает кубы, добираясь до банана. Чем мы хуже? Мы тоже растем, но на своем уровне, у нее предел банан, у нас ...! Сколько еще всего не раскрыто? Там, высоко вверху, в облаках сизого пара, скрывается Клондайк благодатей, которых, есть надежда, будет достаточно всем.

Унылое созерцание и молчание путников, вызвало мысли к жизни. Погасить их, заглушить речью некому, развлечься тоже нечем. Люди шли молча, иногда поглядывая вверх, куда вздымались начальные фундаментальные, уступами уровни, смыкаясь надо головой, сцепляясь исполинскими лапами друг за друга. Из бетона в стенах торчали различные трубы, разного калибра и формы, изогнутые, уходящие под землю и в туманное небо. Висели приспособления для замеров атмосферы и другие необходимые обслуживающие приборы. Вся остальная поверхность стен была лишь из ровного, приглаженного крепчайшего бетона, бросаясь в глаза квадратами и острыми углами правильной формы.

«...В этом мире все для богатых. Везде им есть проход и дорога ко всем наслаждениям. Даже тем, мелким, о коих мечтают бедные и о которых они догадываются своим скудным воображением. Даже тем, кои и наслаждением пошлым вовсе не являются, а чуть ли не потребностью сердца и зовом души у мечтателей. Но мечтатели нервно наблюдают как их ниши занимают другие, пресытившиеся, те, что лезут не в свое место и в итоге ничего кроме отрицательных эмоций не получают. Что же, таков закон жизни и его не изменить. Впрочем, изменить можно, или даже обойти. В обход. Конечно, такие решения самовольные и чреватые последствия попадания в руки закона, что нынче ну уж очень строг ко всяким нарушителям. Нет былой терпеливости и личностного исправительного подхода к каждому преступившему его ревностно охраняемый порог в надежде на снисхождение и оценку деяния соответственно содеянному. Но! Так было раньше, теперь когда совершается много, а готовых преступить порог еще больше, – число почти равное количеству жителей Метрополиса – то уже не до милосердия – тут как бы удержать весь мир от содрогания в коллапсе преступлений и самодозволенных наслаждений. А ведь эти чертовы богатые и тут виноваты, да и вообще во всем виноваты, – они своими выходками, иначе и не скажешь, побуждают к правонарушениям таких же людей как они, только бедных, повергнутых в пучину зависти и страстного желания от созерцания жизни богатых, готовых, на что угодно лишь бы достичь той же Нирваны, как и их видовые родственники. Однако и тут у бедных нет спокойной жизни. Казалось бы, – решил нарушить закон, ну и пусть! Но в черной бездне души встает вопрос – нарушить, чтобы получить удо-

вольствие, побаловаться, снять напряжение, или нарушить чтобы сколотить состояние, «работая» на перспективу? И то и то одинаково горестно и тяжело для честного человека, привыкшего в силу воспитания и душевной конституции к выполнению нормативных правил, а также правил морали и нравственности. Что уже говорить про тех, кто даже и без наличия законных регуляторов и запретов готов жить по полученным от дедов заветам?

И все же новое время ставит новые задачи перед так и не окрепшей душой современного человека, что кажется, стал не сильнее за несколько тысяч лет по отношению к порокам, а наоборот слабее. Многие религии, пытаясь исправить человеческие единицы целыми народами впадающие во грех, так и не добились ничего. И это несмотря на всю разнообразность подходов. Вот еще вопрос – зачем исправлять с помощью религии то, что было создано самим Богом, как они утверждают. Нонсенс! А не подумали ли вы, уважаемые богословы, что сам наш Создатель сотворил нас такими слабыми и поддающимися? Мысль же о том, что он просто не доработал, как не предусматривают всего наперед люди, не берусь утверждать, поскольку это постыдно даже для такого атеиста... (пауза – прислушался к небесам – тихо; ни грома, ни молнии нет!) как я...»

Подобные мысли одолевали молодого человека, что шлепал своими тяжелыми, но непромокаемыми ботинками по грязи самой крайней улицы Метрополиса Лондона – улицы Величия Нации. Тяжелый рюкзак, такой же черный как ботинки и надутый как пузырь, распух от заготовленных припасов и необходимых вещей. В нем поместился, кажется, весь хозяйственный супермаркет, где были скуплены фонарики, аккумуляторы, ножи, компасы, инструменты и пр. хлам. Движение сковывали также утепленная синтетикой куртка, на чьей рекламной вывеске гласило, что она сохранит тепло даже в космосе. Что за не двужначный намек! Естественно, куртка тут же была куплена. Впрочем, космос был далеко и высоко, и в него еще нужно было попасть. А на улице Величия Нации, не знавшей как и космос дневного света Солнца из-за высоченных халуп бедняков, было не так уж прохладно – тут дышали тысячи, сотни тысяч жильцов, что вдыхали химический яд этого района, а выдыхали безжизненную смерть, не могущую быть использованной для дальнейшей жизни. Пот стекал и по лбу из-под утепленного головного убора, и по всему телу, скованному термобельем, к тому же голову стягивали поднятые на лоб альпинистские очки, призванные защищать от яркого блика снега. Хотя снега уже давно не было нигде на Земле, они все равно еще выпускались. Опять-таки для богатых, ибо у них был снег и горнолыжные курорты в закрытых помещениях с чистым воздухом. Купить их – это было словно прикосновение к роскошной жизни. Само же вторжение в обитель богатства все еще ожидало молодых людей впереди. В общем, пока они добирались до желаемого, свои рожи показывали обычные непроходимые трудности на такого рода путях. Тут главное не отступить от мечты, добраться. И отделаться лишь потом и потерей лишних килограмм, наденных перед виртуальным учителем физики – было делом плевым. Можно, конечно, раздеться, но тогда увеличился бы вес поклажи, а нести на себе хоть и неприятно, но обманом казалось легче.

Вспомнив о напарнике, то есть что малолетний мыслитель не один в этом походе, а со своим лучшим другом детства, если стремительное взросление в этом мире можно назвать детством и юностью, шедший вторым молодой человек поднял взгляд и посмотрел вперед – где в двух шагах плелся шатающейся от груза походкой друг. В полутьме нельзя было различить деталей и на нем. Лишь качающийся в такт шагам силуэт плюхал в лужи и вязкую тонкую пленку жижи. Бесформенный рюкзак портил его вид издали, особенно сзади. Первый нес продукты и другие вещи, а второй – тяжелейший инструмент, без которого осуществление мечты стало бы невозможным.

– Шерлок, – позвал вдруг тихим голосом тот паренек, что плелся первым.

– Что Хисп? – так же тихо отозвался молодой человек, шедший вторым, гуськом за первым. Переговаривались не останавливаясь, бредя возле слизкой стены, покрытой испарениями дыхания миллионов людей.

– Может пора? – спросил тот, которого назвали Хиспом. Шерлок же осмотрелся вперед, вбок и ввысь.

– Нет, – сказал он. – Сначала пройдем этот квартал, и хотя мы возле стены справа, значит можем быть видны слева! Как только закончатся служебные нижние окна, тогда можно будет. Это будет скоро... Сейчас уточню.

Достав часы, прикрыл их рукой чтобы циферблат не светился звездой во тьме. И хотя никто и никогда не выходил на эту часть домов с видом на эту забытую даже крысами улицу, решил перестраховаться – могло вестись наблюдение. Недаром же попутчики отказались от комфортнейшей поездки на такси к месту переправы на остров, – все лишения ради конспирации. Теперь же засветиться в прямом смысле слова не хотелось, ведь их окружали многие тысячи людей, что были отделены лишь стенами.

Взглянул на часы, где на экране горели буквы и цифры, ярко оповестившие:

«Личный хронограф Шерлока Эсперсона... Дата: 3.112 (-7656). Особых пометок нет. До случая совершеннолетия – 127 оборотов. Независимое время страны Синее, зависимое – 4/125. Локальная ошибка – улица\маршрут не найден на карте времен...»

Остальное не интересовало Шерлока, он снова взглянул вверх на темные окна, спрятал часы и догнав попутчика, потянул его в ближайший проулок за шиворот. Дорога, ведущая к острову, лежала параллельно улице Величия Нации, поэтому теперь чтобы подкрепиться можно было свернуть на нее. Как только прошли проулок, странники вышли на глухую улицу, а точнее направление, длинное как жизнь некоторых бесполезных людей, одним боком упиравшееся в воды Моря, утонувшие в тумане, а другим в задники высоток, мрачных и слизких, без окон. На эту сторону выход был запрещен даже взглядами.

– Теперь я понимаю почему ты, наш штурман, выбрал более опасный путь через улицу Величия, а не этот. Там хотя бы идти можно. А здесь... – усмехнулся Хисп, говоря во весь голос, ибо тут их не мог слышать никто, разве что из моря подслушивали те нелепые монстры, что по рассказам желтой Скайныус Трибьюн водились именно в этой части Метрополитанского Моря.

– С нашей поклажей мы бы и трех шагов не сделали на этих булыжниках и ямах! – ставя рюкзак на большой камень, и чувствуя облегчение, сказал Шерлок. Он достал переносной нагреватель и стал готовить нехитрый ужин, в духе спартанских воспитанников. Да, еще долго нужно было идти, и еще длиннее путь назад. Поэтому, не имея возможности взять с собой весь склад продуктового магазина, приходилось экономить. Но друзей кормила мечта, так что они не были в обиде.

Освободившись от груза и подкрепившись, решили сделать небольшой перерыв, поскольку путь по такой дороге, безымянной и никому не нужной, мог забрать не просто много сил, а вообще их не оставить. Расселись возле камней, разглядывая окрестности. Вверху справа виднелся воздушный мост Диаболо, по которому неслись яркие звезды-огни вагонеток грузовых и пассажирских составов. Но не это интересовало друзей. Они смотрели еще выше, там, где уже на стремительно темнеющем небе блестели сквозь туман настоящие звезды. Прошло много времени с момента как люди полетели в космос, а они так и остались нетронутыми, неприкосновенными.

– Вон, вон! Смотри! – вдруг крикнул Хисп, указывая пальцем в черное небо. – Кажется мелькнуло...

Суровый и обладавший знаниями физика Шерлок нехотя, лениво поднял глаза вверх, положительно зная, что друг ошибся.

– Нет, это всего лишь метеор... Если ты вообще что-либо видел в таком тумане.

– Да видел же! – не унимался Хисп, восхищенно глядя вверх. Волнение его вылетало с паром изо рта и ноздрей. Он неотрывно бороздил взглядом своим синих глаз небо.

Шерлок покачал головой и в доказательство достал свои волшебные часы, за которые он отдал большую для него сумму, и которые знали больше чем он сам, предоставляя другу, показывая расписание движения некоего маршрута.

– Судя по времени, если предположить, что ты что-либо видел, – начал своим обычным языком Шерлок, – мог видеть лишь Кастора. Поллукс вообще будет над нами не скоро!

Удовлетворенный доказательствами, но не потерявший цвет видения, Хисп замер и опустил взгляд. Вместо далеких и зовущих звезд показался мрак и грязь окружающего мира.

– Ну и грязь на этой «великой» улице! – разразился хохотом Хисп, очищая о ближайший камень все что прилипло к его ботинкам. – Достойна величия!

– Пока достигали величия, забыли о чистоте. Ведь величие требует много усилий и, наверно, жертв. Потом выгребем все... Словно еще один последний подвиг!

Хисп не понял, шутит ли друг или говорит всерьез. В темноте искать ответа на его лице было бесполезно.

– Да уж. Чем дальше от центра тем больше «величия»! – опять рассмеялся Хисп. Затем задумавшись, сказал очень серьезно:

– Ты достигнешь мечты до совершеннолетия, я и того раньше. Мог ли кто-то из нас мечтать о чем-то большем? Что будешь делать когда раскроешь тайну? Станешь Прометеем?

– Вот надо! – отозвался хмуро Шерлок. – Я еще не решил...

– Я понял, ты не решил – стать ли Прометеем, или же Гигом!

Шерлок с упреком посмотрел на друга, но ничего не сказал.

– Сколько ты заработал, преподавая физику? – осведомился вдруг Хисп. Шерлок подумал и сказал:

– Чуть более трех тысяч новых фунтов. А ты?

– Да что я продажей безделушек и сбором рождественских и карманных денег мог собрать? Двести с хвостиком...

– Вот, – надменно проговорил Шерлок, – знай же благодаря кому мы осуществляем наше путешествие к славе.

– Значит все-таки к славе? – огрызнулся Хисп, хотя тон выдал его шутку и фальшивую злобу...

– Ты – точно... Я еще не решил.

– Тогда могу предложить, по-хозяйски, присоединится ко мне. Милости прошу!

– Несешь свой рюкзак? Вот и неси! Это тебе искупление за малый вклад в наше предприятие!

– Ну конечно, куда же нам, простым смертным до вас, физиков! О, цвет нашей цивилизации, правда, бедный, но все равно цвет! – издевался Хисп без злобы. А вот Шерлок нахмурился всерьез и думал о своем, тяжелом как законы физики.

– Хотя, – как бы смягчился Хисп, наиздевавшись вдоволь, – у тебя благодаря физике хотя бы шанс есть вылезти наверх, у меня и такого нет. В крайнем случае, пилотом баржи на Дияболо.

– Судьба дает тебе шанс, – пользуйся им, а не зубоскаль! – нравоучительно заметил Шерлок. Хисп не стал возражать и согласился кивком.

Спали по очереди, чтобы не попасться чудовищу из Моря, или еще гораздо худшим чудищам – охранникам Метрополиса, изредка патрулировавшим пляжи Моря. Так было всегда, что пусть бы даже и существовали некие чудища в реальности, борьба с ними могла стать украшением жизни любого человека, но бороться с себе подобными было по меньшей мере не отраднo, а по большому счету – губительно как примером, так и последствиями. Разуверованность, ограниченность мира, его краткие границы, – вот одна из нитей ведущих к безу-

мию детей и холоду взрослых. Не к чему стремиться, нечего покорять, все забыто и подвиги не в моде. Устраиваясь на ночлег, Хисп передал Шерлоку «полномочия» вахты, заснул.

Настала очередь бодрствовать Шерлока, который, впрочем, и так не спал...

Вот если бы мечты осуществлялись много быстрее, пусть даже ценой усилий, но быстро. Чтобы не тратить драгоценное желание на сам путь достижения, на время, растрачивая его на тщету. Тогда бы все было иначе – лучше и мягче. А так получается, что достигнув с огромным усилием желаемого, оказывается, что мы хотим в этот миг нечто другое, а достигнутым, еще вчера бывшим выше горы, заслонявшим свет жизни, манящим вдаль, мешающим спокойному сну, недовольны и пренебрегаем, томимы новой целью. И опять дорога, опять скитания! Только теперь надо еще сползти с той горы на которую завела мечта прошлая, потом начать новый путь, а тут уже и сомнения в помеху. А вдруг мечта опять окажется лишь обманом, зовом лживых маяков? Как распознать настоящее, вычленив его из сонма привидевшегося и напрасного? Что для этого надо делать, кому следовать? Бесконечные вопросы, что оставили нам и более мудрые предки, не могли быть решены в одночасье. И все же Шерлок готов был, как признавался сам себе в эти мгновения приятного одиночества, потратить некоторое драгоценное время собственной жизни на их решение.

Как бы было легко, если бы некоторые важные вопросы уже были решены, и их готовое решение выложено для всеобщего доступа! Тогда, изучив раз и навсегда подтвержденные опытом бедения прошлых веков, можно было сосредоточиться на нынешних не менее важных проблемах. Но, увы, – каждый век ставил все новые препятствия, не снимая предыдущих. Впрочем, кто хотел – искал проблемы, они же, благодарные за внимание к себе, с радостью шли навстречу ищущему их. Все остальные, нормальные люди эти дорожки обминали. Хм, кажется, если переусердствовать, то вся братия проблем и нерешенных вопросов осядет всего лишь в одном мозгу. А это, знаете ли, чревато. Шерлок взглянул на часы, – мерило и распорядитель жизни, хронометр событий и отделитель старого от нового.

До зависимого утра еще оставалось кроха времени, пока электронная таблица ползла по оранжевому экрану часов, увлекаемая внутренней закономерностью развития событий атомного мира, преследуя последствие причиной. Странно, но здесь на берегу, в тумане, сковавшем зрение, притупившимся о близкое расстояние до объектов, дышалось легче. Видимо сам туман таял по удалении от джунглей города. Ведь даже рукотворные звезды были здесь видны, хотя и расплывчато. Черт, друг не ошибся, – там, в высоте подмигивала цель пути. Это придало силы.

Глава II Нежданное пополнение

В которой повествуется о страхе, и его больших ушах, сочном тумане, непримиримых мечтах, дивном прибавлении в семействе отважных путешественников и разговорах в виде спора разума с душой.

Когда настало утро, – а это стало заметно лишь по волшебным часам Шерлока, на кои с завистью посмотрел такой же молодой и жаждущий жизни Хисп, ибо по-другому определиться со временем по зависимому и независимому отсчету, да и по виду нельзя было, – они поднялись и стали собираться в путь. Туман все также стелился низко к земле, однако теперь, будто подогреваемый слабо брезжащим серым светом. Люди вдыхали его и выдыхали струей пара. Детали окрестностей скрылись за ним, Море исчезло, лишь то, что вблизи, кусок волнующейся черной поверхности, был доступен взгляду. И вообще показалось, что именно воды Моря испарялись, сотворив столько тумана. Даже звуки глохли в нем. Галька под ногами звучала глухо и отрывисто, ноги подворачивались на огромных валунах, застревали между ними.

Ночью зовущая мечта звезд и почти видимой цели их путешествия звала, и друзья готовы были бить ноги и без еды и без возможной славы, двигаясь навстречу ей. Теперь же, когда тревожный сон в промозглom месте забрал больше сил чем ходьба по пересеченной местности, погасли и мечты и страстные желания, лишь только разум все еще звал вперед. Да и то слабо. Кое-как подкрепившись сухим бутербродом, без охоты, выдвинулись в путь. Оба друга одинаково чувствовали упадок рвения, но боялись сознаться. Днем яркая мечта побледнела и спряталась. Ждали спасительной ночи для ее блеска. В таком трудном мероприятии без рвущей жилы воли с желанием и стремлением успеха не достичь. Но усталость, накопившаяся за несколько смен тьмы и света, валила с детских ног, и лезла в голову глупостями о том как бы было сладко все бросить прямо здесь и вернуться в потертые, но теплые домашние постели к маминим обедам. Но горделивое упрямство звало к счастью для их самолюбия вперед, и юноши не могли не подчиниться зову. Каждый шаг давался легче с возвращением уверенности и усталость отступала. Кажется даже звуки стали появляться. Вот уже и Море захлопало всей своей ласковой рукой о берег. Или может, как рисовало воображение, это проснулось то чудовище, пустив волны хвостом? Как бы там ни было, стало легче, к тому же солнце проступило серым мутным пятном сквозь облака, впрочем, сделав туман еще более белым и насыщенным одновременно согрев воздух. Нагревание вселяло надежду на то, что скоро туман рассеется.

Компас указывал путь в мире безличным проводником, где каждый камень как и тот что остался позади, где травинка – как все на земле, а путь бесконечен и никуда не сворачивает. Вместо разговора зевота, и попутный слабый ветер в спину. Он хлестал порывами, то настигая то отступая назад, подгонял но не помогал, придавливая к земле, дополняя и без того тяжелую ношу самовольных странников. Дивное явление: в черте городе ветра уже давно не было.

Разговор не клеился, слова рассыпались и их остатки уносил ветер, хотя и недалеко, ведь их еще раньше поедал туман, в котором погрязало все – от слов до света. В небе плыло горячее и жарящее солнце, обминая облака и тучи. Третью смену не мытое тело, постоянно омываемое потом, чесалось. У Шерлока появились неприятные мысли о грибокe на ногах. И все равно друзья шли безропотно, но улица, которую и улицей-то назвать нельзя было, все не кончалась, гранича одной стороной у вод Моря, второй у бетонного подножия башен.

– Долго еще? – осведомился злобным тоном Хисп. До путешествия, он посещал спортзал, где упорно тренировался. Однако реальные испытания ни в какое сравнение не шли со спортзальными, даже после изнурительно-изощренных издевательств мистера Кандиса. Шерлок понял, что его озлобленный тон всего лишь свидетельство усталости и желания скорейшего начала «приключений».

– Нет, еще не скоро. Очень не скоро! – обрезая все нити надежд, протянул Шерлок. Хисп вздохнул и тут же поскользнулся. Выругавшись, он взглянул под ноги: там рассыпалась огромная россыпь мелких камешков. Они издавали легкий шелест, катясь.

– Черт! – вновь выругался Хисп. – Чуть ногу не сломал.

– Тихо! – вдруг приглушенно вскрикнул Шерлок. Друг посмотрел с удивлением на него. Тот стоял боком к нему и лицом к водам Моря, смотря невидящим взглядом назад, туда, откуда они только что пришли. Но в тумане таяла лишь тишина, ничего больше не нарушало спокойствия окраин Метрополиса. Однако чуткий ко всему Шерлок кажется что-то слышал. Он напряженно вслушивался. Хисп уже устал ждать, как вдруг и сам услышал позади легкий шелест гравия, такой какой недавно издал сам. Дрожь пробежала по коже. Не вымолвив ни слова, он взглядом спросил у друга что делать. Тот не ответил. Хисп шепотом предложил скрыться бегом, ибо шелест приближался, и уже не было сомнения что некто идет следом, крадется. Тысячи мыслей мелькали в головах малолетних странников.

По праву мозговым центром считался негласно Шерлок, поэтому взор Хиспа был прикован к другу. Он вытянув губы в струну, напряженно вслушивался. Лицо играло мускулами, переливалось игрой нервов. Кажется он также запаниковал и не знал что делать.

– Бежим? – предложил Хисп, впрочем, без испуга.

– Тш-ш, не плоди звуки! Дай услышать чужие! – прошипел сжав рот друга рукой. – Тут длинная дистанция. Если преследование – не уйдем. Прячемся!

Он потянул друга с тяжелой ношей к немногочисленным кустикам, что были на границе «пляжа» с галькой. Присев рядом, они больше шума издавали сбившимся дыханием, нежели чем-либо иным. Шелест еще раз повторился и затих. Сколько не вслушивалась друзья – ничего не было. Хисп уже хотел довериться чувству, будто показалось, но его разубедил в этом шепотом извечно подозрительный, наученный жизнью, а не только наукой Шерлок.

– Будем отступать незаметно и тихо. Может, отстанут?

– Да там никого нет, – осмелился чуть громче, чем шепотом заметить Хисп. За что и получил болезненный удар под ребра. Внезапно произошло то, чего не ожидал бы в этой ситуации никто. Вновь как некоторое время назад шипящая перебранка друзей была прервана самой судьбой, беспрестанно вмешивавшейся в рискованное предприятие друзей.

Среди шелеста ласкового прибоя грязных волн Моря, невидимого ультразвука города за спинами колоссальных башен, и под свистящими вагонами пролетов Дьяболо, раздался ни с чем не сравнимый, легко отличимый, запоминающийся и душераздирающе-печальный тихий плач, похожий на хныканье ребенка. Друзья переглянулись и еще больше оробели. В такую минуту и о чудесах, пусть и сказочных, впору было подумать. Еще малость времени ожидания и ласковое трение и трепет волн о берег нельзя было вынести на фоне страданий бедняжки, прячущейся за туманом.

Первым не выдержал Шерлок. Он приподнялся и преодолевая страх и отвращение к обязанности все разузнать, выждал некоторое время и осторожно пошел навстречу странному звуку. За ним неуклюже и размашисто поплелся и Хисп, осыпая гальку и подворачивая ноги. Но это уже не интересовало Шерлока, он прокрадывался вперед всматриваясь в туман, могущий в каждую секунду подарить отгадку неизвестного происшествия.

Вот стали появляться знакомые вехи прошлого пути – огромный валун, вывернутый сюда не то Морем во время прошлогоднего шторма, не то строителями башен, что уходили в туманное небо высотой. Где-то в это мгновение у исследователя странного звука пропало желание двигаться навстречу возможной общей гибели, поскольку звук затих. Однако и отступать уже было поздно – в неясных клубах тумана проступал чернеющий силуэт. Это был маленький жалкий комок черноты в море серого непрозрачного цвета. Этот комок приютился у самой смежной полосы каменного пляжа и заросшей травой полосы земли, бегущей у фундамента башен. Шерлок надменно скривился – ему вдруг захотелось чтобы тут был по крайней мере

великан или же целый взвод полиции, но надежды не оправдывались глядя на маленькое существо. Надежда юношей на великанов и иных достойных противников невиданной смелости таяла с каждым шагом. Ее сломил окончательно вздох черного комка, вперемешку с всхлипыванием.

Ноги шли сами по себе, без страха, а позади слышались осмелевшие шаги Хиспа, который, кажется, хихикал. Шерлок уже стоял подле казавшегося нереально маленьким существа, гнома. Подоспел и Хисп.

– Это еще что такое? – весело спросил он. Человеческая речь привела в движение комков и он поднял то, что оказалось головой. Маленькой почти детской головой, укутанной в какой-то темный платок и поверх которого надета была огромная, но потрепанная мохнатая шапка. Оба друга замерли от любопытства и неожиданного явления. Бледное вытянутое лицо, не измученное и не отягченное перееданием, но очень привлекательное и милое, смотрело двумя яркими, мокрыми от слез глазами на подошедших молодых людей.

Шерлок присмотрелся, давая себе время призадуматься, что делать дальше.

Тонкие серые губы неожиданно появившегося в этом безлюдном месте существа вытянулись в струну, ровную и красивую. А небольшой нос вдыхал туман большими порциями. Пухлая от шапки голова, сужалась молниеносно к подбородку, создавая необычный дивный контраст в пропорциях. Жалость и страх в глазах юного преследователя путников сменилось удивлением и надеждой при самостоятельном появлении тех, кого это существо так долго преследовало. Ведь явно оно не могло взяться здесь само собой, но лишь пришло за ними из стен Метрополиса, то есть очень далеко отсюда.

Затем вслед просиявшему во мраке тумана облику, стала раскрываться вся фигура незнакомца. Сначала он расправил руки такие же тонкие, как и черты лица, и подмятые под себя ноги. Еще несколько мгновений спустя, приподнялся, разминаясь. Разочаровавшись окончательно, Шерлок смотрел на эти метаморфозы и переход от слез к бодрствованию преследователя и возможного рушителя их планов уныло и даже может быть враждебно. Он был невеликого росточка, и точно не великаном. В голове у Шерлока созрело несколько коварных планов, однако не решился какой из них выбрать.

Потеряв единственно греющую в этом одиноком и промозглом месте позу, юное существо стало дрожать самым бессовестным способом. Кажется он (ведь казалось что это мальчик лет двенадцати) силился что-то сказать, но сначала ему не давали сделать вздох для выдоха слов всхлипывания, теперь же – дрожь, доходящая до зубов и делающая невозможным любое общение и управление речевым аппаратом. К тому же вздрагивали пальцы и тонкие нити рук.

– Ты кто? – обратился к мальчику Хисп. Шерлок все еще пребывал в задумчивости, решаясь на что-то одно. Он мрачнел каждую секунду.

– Я... Я... шел... за вами, – выдал парочку связных слов тоненьким голосом мальчик, совладав с нижней челюстью.

– Это понятно. Спрашиваю кто ты?

– Гутта... – ответил мальчик, и сразу же перешел к делу, – можно... мне с вами?

У Шерлока отвисла челюсть, а Хисп рассмеялся.

– Нет, нет, – взмолился юный путешественник, – я серьезно. Давно за вами иду... Можно? Пожалуйста!

– Куда?! – вскипел Шерлок. – Что ты вообще знаешь о нас, чтобы проситься присоединиться? Не нужно ли сначала знать цель! Что ты знаешь об этом?

– Все... То есть... я давно иду за вами, еще с улицы Народов... прятался в проулке... потом ночью подслушал... этой ночью. Теперь заблудился... – Гутта начал говорить уже более связно. Он обладал хорошим голосом, что бывает у всех в его возрасте, когда это хорошее еще не ломается перестройкой организма для бедствий взрослой жизни.

– Ты должен понимать, что мы не можем взять тебя с собой! – резко отрезал зло Шерлок. – И я посоветовал бы тебе вернуться домой... и держать язык за зубами, иначе можно его лишиться!

– Но... Нет, нельзя. Теперь мне уже лучше с вами, иначе меня дома со света изживут за эту вольность! – взмолился снова тонким голосом Гутта. Его глаза стали снова наполняться тревогой и слезой. Но старшие путешественники были непреклонны. Они уговаривали его вернуться, или они тут же бросят его здесь, а того хуже:

– Убьем тебя, чтобы обезопасить наше путешествие... – бодро и устрашающе начал Хисп, действуя тем приемом, что действовал на него в таком же возрасте.

– Тс-с, идиот, – прошептал Шерлок другу, – при упоминании о приключениях и путешествиях в таком возрасте сходят с ума. Особенно в нашем мире...

– Вы не убьете меня, – заверил уверенно Гутта. – Вы – не такие!

– Откуда тебе знать какие мы?! – вскрикнул Хисп зло и страшно. Звук разлетелся на многие куски эха от бетонных спин исполинов, отлетая в море. Хисп был зол, что новое поколение не боялось того, чего еще недавно боялось иная, повзрослевшая часть его. – Или ты думаешь убийство может быть только активным? А что если мы оставим тебя умирать? Ведь ты сам признался что не в силах дойти назад и отыскать вход в черту города и свою улицу. А это, поверь мне, гораздо страшнее чем... да и нам выгоднее, нежели брать грех на душу! Взгляни – ты весь дрожишь, продрог. Руки без рукавиц, кутаешься в куцую куртку... голоден. Ты явно вышел прогуляться, а не в путешествие; ноги промокли и наверно болят? За чем ты гонишься? А голод? Знаешь ли что это такое? Конечно, по тебе видно – ты не обжора, скорее всего по недостатку финансов твоей семьи... Умножь постоянное твое желание покушать во стократ и ты получишь то, что тебя ждет! Ну, про страшное место и монстров из воды я пожалуй умолчу – сущие мелочи на фоне остального. Ах вот, я еще придумал – или согласимся тебя взять с собой, но обманем, лишь заведя подальше от дома, бросим, чтобы наверняка не нашел путь обратно!

Глаза Гутты округлились – жестокий Хисп достиг своего, испугав маленького человечка. Шерлок впервые усмехнулся – даже все его физическое образование не построило бы такой храм устрашений, как сделал обычный спортсмен, друг.

К большому удалению друзей, испуг привел на помощь всю сообразительность молодого человечка, и он, скрючившись, почти плача, опустил голову, вздохнул. Нечто проскользнуло украдкой и бешеной гордостью в его глазах, вовремя опущенных вниз, чтобы не дать рассмотреть этого другим людям. Но Шерлок успел увидеть опасность.

– Ладно! Возьмем это груз с собой. Нам ли привыкать? Одним местом больше, одним меньше – к тому же это самоходное корыто! – высказался он обычным, спокойным тоном. Это возмутило Хиспа: он так старался отладить молодого докучалу, а теперь самопровозглашенный главарь тайной малолетней шайки разрушает братство посвященных членов введением нового неизвестного.

Не в силах сдерживаться, Хисп дернул за рукав куртки Шерлока и отозвал его в сторону, буквально оттащив того от Гутты.

– Ты... в своем уме? – прошипел он, оглядываясь на стоящего в пяти шагах мальчика. – Зачем нам обуза? Как дальше? А там?

– Да всего дел-то – оставим на Поллуксе как приманку: пусть ловят зайца! Есть, конечно у них повод сомневаться, как это малолетний шалопай проник в святая святых, и все же...

Хисп неодобрительно покачал головой.

– Мы еще и полпути не сделали, а уже заканчиваем безумием. Не дай Бог нам еще в конце похищение припишут?

– Послушай, я не так безумен как ты, мастак на страшилки, но подумай сам – если мы сейчас его отвадим, то первым делом, добравшись до города – а это будет сделать ой как легко

(ведь мы-то это знаем, а он пока сомневается, не догадываясь о мере своих сил), а сила в нем найдется, прежде всего, духа! Ты видел, как он зло отвернулся, – мол, я назло вам дойду и книгу о вас сочиню... сегодня же вечером! Видел? Нет? А я видел! Так что лучше взять его с собой. Оденем, накормим, – мы столько всего набрали, что его рот – это лучший помощник для наших позвонков!

– Твоих позвонков, – возразил недоверчиво Хисп. – Ты-то ведь несешь припасы. О... то есть нет, я несу... неважно! Все равно безумие. К тому же, а если в нем чип? – добавил Хисп. Напоминание привело в замешательство Шерлока. И он сам, и его друг были чисты от этих новшеств по порабощению детей. Нет, родители их не были так благоразумны или же верующие в бога и церковь (у Шерлока так точно родители были свободны от таких предрассудков), чтобы ограждать от дурного нововведения, скорее наоборот. Просто денежное состояние не позволяло ограничить свободу своих отпрысков. Вот уж где бедность помогла! Шерлок расстроился: такое упущение – никогда ничего не забывающий физик пропустил самую важную деталь. Он умолк, чтобы не ляпнуть снова какую-нибудь глупость. К сожалению, несмотря на годы учения, его молодость все еще иногда выходила на свет беспросветным мраком и ошибками.

Нужно было удостовериться в безопасности новичка, прежде чем отправляться в путь втроем. Шерлок повернулся к Гутте, подойдя ближе, и с самым ласковым и дружеским тоном проговорил:

– Знаешь ли, мы тут обсудили твое будущее с нами, и прежде чем принять решение мы должны быть уверены, что в нашем опасном, но благородном походе с нами достойные! Иными словами, нет ли у тебя каких-нибудь порочащих... то есть обезображивающих следов на теле, знаков, или чего-то подобного? Не прикасались ли к тебе механизмы, созданные современным гением науки? – Гутта смотрел на него не то квадратными, не то ромбовидными глазами, видимо плохо понимая хилую мудренность его речений.

– Чипа что ли? – наконец осведомился он. Шерлок опешил от такой прямолинейности.

– Вот все приходится делать самому! – Хисп подошел и попросил Гутту оголить левую ногу, ища следы вживления чипа в стопу. Ничего не найдя, он сосредоточил внимание на самой ступне юноши. Она была синей от холода, и пытаясь согреться, исходила холодным потом, который нисколько не грел, отчего тело зря источало его.

Удостоверившись в нетронутости живой сущности попутчика, Шерлок считая вопрос решенным, попросил не обуваться его, а притащив свой рюкзак достал из него утепленные носки и протянул Гутте. Тот весьма обрадовался, всей пятерной сгреб подарок, потом еще рукавицы, и шарф, быстро повязав на шею.

Хисп смотрел на все это безобразие и качал головой не будучи в силах что-либо сделать. Общая идея, отягощенная новым попутчиком, разбавившем проработанный до мелочей план, грозила не вынести всех. Почти еще детский возраст путешественников взял свое и они пусть и нехотя, но приняли в свои ряды пополнение.

Приготовив долгожданный обед для новобранца, друзья смотрели как он уписывается за обе голодные щеки. Тем временем Шерлок начал свою обычную игру с психикой первой попавшейся ему под руку человеческой единицы. Он внушал и убеждал, грозился расторгнуть союз в случае малодушия или даже минутной слабости, неповиновения, и это касалось даже тех случаев, когда уже большая часть пути будет преодолена. Держась за бутерброд, как дьявол за душу грешника, Гутта кивал и жевал, переминая наветы.

– Хочешь аппетит ему испортить? – спросил у друга грубо Хисп. – Если и понимает что ты говоришь, то о-о-чень неясно!

– Аппетит ему ничем ни испортить! Привить же понятие правильного – никогда не поздно. К тому же, хочу чтобы он уразумел, что опасности, ожидающие его дома гораздо меньшие, чем те, в которые он по своему незнанию и малолетству ввязывается!

Даже такое увещевание не подействовало на Гутту и он закончив с обедом, согревшись плотком горячего чая, на склоне дня почувствовал прилив сил и энергии благодарности, стал просто-таки умолять дать ему понести что-либо, начиная приносить пользу уже сейчас.

Посмеявшись, решили дать ему сумку с фонариками, батарейками, компасом и другими приборами ориентировки, и конечно же, картой. Остальное, тяжелое и опасное, например газовый резак, что нес Шерлок, оставили при себе. Двинулись в путь, проклиная вечный туман и словно желая из него выбраться, спешили.

Очень скоро весь запал Гутты пропал во тьме холодной ночи без сна и даже сытный обед не мешал (скорее даже помогал) зевать и клониться в сон. Начинались первые проблемы от привлечения попутчика. Чтобы не дать заснуть ему прямо тут, под мелким дождем, почти невидимым, но через час успевавшим промочить насквозь все что угодно, давали советы. Солнце окончательно исчезло и предоставило миру распоряжаться своими делами без его ведома. Чтобы хоть как-то продержаться в бодрствовании Гутту, друзья решили его разговорить. Первым начал в своем стиле Шерлок:

– Скажи-ка нам Гутта, не причинишь ли ты боль родителям своим исчезновением, – этот вопрос интересовал его самого пуще других.

– Я надеюсь сгладить это досадное недоразумение подвигом...

– Даже так?! – вскрикнул Хисп. – Нам бы такую уверенность.

– Конечно, я ведь знаю, куда вы идете.

– И что? – поставил вопрос ребром Шерлок. – Вообще, что ты знаешь об *этом*, кроме парочки комиксов одного из счастливицков побывавших *там*?

– Ты про Мальберта? Этот черт потратил уйму денег на путешествие с продолжением, затем получив их обратно публикацией воспоминаний!

– Именно, – согласился Хисп. Гутта приободрился и начал:

– Вы правы, я немного знаю... Но разве не для того чтобы узнать мы идем?

– Не все! – втянулся в разговор Хисп, выдавая себя и друга. Укорительный взгляд Шерлока заставил его замолчать. Он повиновался переведя стрелки. – Ну так как насчет родителей?

– Дорога не столь далека, чтобы они стали всерьез волноваться! – самоуверенно заявил Гутта, друзья же лишь посмеялись. Шедший между плотным, невысоким Шерлоком и длинным, негнущегося как жердь Хиспом, Гутта выделялся лилипутством и детскостью. Его карие глаза обшарили снизу вверх своих спутников и он заявил:

– Или я ошибся, примкнув к вам?

– Все ошиблись – ты ошибся, мы ошиблись, взяв тебя... – это не удержался от меткого попадания в чужой огород камнем Хисп.

– Может уже передохнем? – жалобно вмешался в этот увлекательный процесс Гутта.

– Зачем отдыхать, если никто не устал? – язвительно заметил Шерлок, смотря на друга, – например у Хиспа появился заместитель – сначала он приставал с такими просьбами, теперь ты... Вас, выходит, двое делящих одну и ту же обязанность. Я же не устал, хоть и один! К чему отдых?

После такой речи, исполненной желчи и злобы, все замолчали, терпеливо таща свою лямку. В конце концов, ради мечты можно было претерпеть некоторое количество лишений, но однако же, не сильно много. Каждый думал о своем, только ему известном. Пар вырывался изо рта, как у рабочих лошадей, в носу застрял затхлый воздух прибоая, словно это было не море рядом, а болото, а ночь постепенно окутывала окрестности, отчего вдали высоко вверху показалась верхняя часть влекущей нескольких молодых людей цели. Иногда от ее узла отскакивала звездочка и быстро перемещаясь по темному небосводу, заполнявшемуся неспешно звездами, скрывалась в море, рождая оттуда вторую такую же, только движущуюся вослед первой. Было так дивно, словно маленькая копия земного оборота: из смерти являлась жизнь, жизнь же заканчивалась смертью. Зрелище завораживало. Все трое проводив взглядами первую звезду,

и встретив вторую, с удвоенными силами двинулись в путь. Вдали же завидели огоньки порта, страшного места, – первого препятствия на их пути, среди прочих других. Но вид мечты, обновивший ее блеск, позвал пройти даже через такое. Так что увидев зловещие сооружения портовых построек и кранов, путешественники вовсе не испугались, и не замедлили шаг усталых ног.

По пути к порту Шерлок спорил с Хиспом – делать ли привал до, или уже после него. Хисп настаивал что до, Шерлок же – после. Впрочем, победил Хисп, ибо его советчиком была усталость и голод, а сражаться со всеми монстрами порта можно было только изрядно отдохнув и помолясь затертому и засаленному богу, что все реже внимал молитвам людей, даже самым проникновенным и слезным, ибо часто обманывался их лживыми побуждениями.

Шерлок сверился с часами, на которые с завистью посмотрел Гутта. Шерлок демонстративно убрал, спрятал их под рукав, наслаждаясь высшим по сравнению с выскочками положением, к которому его обязывало знание физики, благороднейшей из наук. По часам была уже ночь, хотя все равно многое в поредевшем тумане можно было еще рассмотреть.

Когда ограждение порта, ржавое и местами сильно продырявленное встало неприступной стеной перед путниками, а они упершись в него, остановились, то решено было подкрепиться тут, чтобы в очередной раз снизить вес груза, что могло положительно сказаться при попытке бегства.

Каменный пляж кончился, упираясь в массивную бетонную подушку, уходящую далеко в море, возвышающуюся над уровнем пляжа и соседних фундаментов технических зданий. Неровный пляж уступал место ровной как стол площадке разгрузочного терминала порта, над которой довлела лишь башня радара управления и связи. Сферической формы, она покоилась высоко в небе на толстой ноге, путаясь в облаках. Эту конструкцию было видно даже из-за пределов порта, далеко за ним. Поэтому башня с серой головой выполняла также и роль разговорчивого маяка, влекущего автоматические корабли.

Пока старшие друзья готовили смиряясь с новым временем ужин, Гутта подошел вплотную к площадке порта. Для этого ему потребовалось пройти ближе к линии земли, взобраться на фундамент хозяйственных помещений и оттуда уже пробраться на краешек колоссальной разгрузочной площадки. Ничего не увидев, кроме исполинских пустошей и кранов, он вернулся.

– Странно, – сказал Гутта, усаживаясь к импровизированному столу раньше самих поваров, – столько брешей, а никого и близко нет!

– Кроме нас, идиотов, туда никто добровольно не полезет, – горько сказал Хисп. – Да и что там брать? Все в упакованном, не готовом виде, можно сказать полуфабрикаты. . . К сожалению, иного пути нет. Хотя, надо признать, во всем есть свой смысл – тут нас искать меньше всего будут.

– Но и больше всего шансов сгинуть тоже! – добавил и свое слово Шерлок. – Так что нас уже точно не найдут. Отдохнем же, – сегодня ночью мы встретимся лицом к лицу с самым сложным испытанием, остальное же будут лишь мелочи, или покажутся таковыми после сегодняшнего.

Страшные разговоры ничуть не испугали маленького путешественника отважно поедавшего пресный ужин. Ожидание приключений, пока без самих приключений и многих бед им привнесенных, было не страшно, особенно когда так хорошо поужинать и весело прежде провести время в компании бесшабашных друзей. Тут хоть бы даже и умереть не жалко!

Гутта в силу возраста не мог знать всего, даже очень многого. Никогда не выходя за пределы своего квартала, он не догадывался что такое порт и что в нем происходит, чем грозит попадание в его цепкие лапы разгрузчиков и охранников. Само слово он лишь однажды слышал от кого-то, которого уже давно забыл. Старшие же партнеры хоть и были уведомлены о некоторых подробностях, однако все же слишком слабо представляли, с чем им придется столкнуться. Мечты гнали вперед, мысли о безопасности отставали от бегущих. Если бы несо-

зревшие умы думали о самосохранении, то наверно никогда бы не решились на столь отважное, сколь и глупое путешествие.

Глава III Они пропали!

Где описываются мучения небрежных родителей, а также верные христиане в темном царстве новых времен. Об истинном священнике и о сложностях полицейской работы даже при помощи поистине чудодейственных приборов.

Еще утром родители Хиспа заметили, что сын не вышел к завтраку. Раньше он никогда не пропускал его. Можно было придумать много различных отговорок и ободрений, но ни одно не подходило. Сослаться на то, что у него не было аппетита тоже нельзя было – спортсмен всегда хорошо уплетал все приготовленное, независимо от времени суток. С тоской и скукой приходилось признать, что сын вступил в такую пору, когда перед ним открывает двери большой мир, закрывая доступ к его душе родителям, возвращая им лишь вздохи и печальные попытки отгадать ту или иную выходку чада.

Ох уж эти перемены! К тому же смена времени, – старшее поколение, заставшее плавный, но все равно кажущийся скачкообразным переход на новое время и летоисчисление, даже теперь, по истечении многих лет, не могло к нему привыкнуть, именуя темноту – ночью или вечером, а ту пору, когда светло – днем. Что уже говорить о малютках, родившихся при новом времени, но не могущих в силу биологических причин принять его. Не будучи в силах отметить ненавистные преобразования, не только родители Хиспа, но и абсолютное большинство землян смирилось с этим необходимым в угоду наставшему порогу эволюции шагом. И чтобы не терзать себя понапрасну, начали искать и положительное во всем этом. Правда такого набралось совсем немного, притом, что жизнь усложнилась весьма здорово.

Устав ждать сына и на обед, Эмма Митчелл, прибрали все с полки для обеда, и прошла в подвижный коридор и предстала перед комнатой сына, в которой, тем не менее, никого не оказалось. Подумав, что вышел к другу, где и пообедает, она успокоилась. В последнее время Хисп все чаще пропадал у друга, фанатика науки и вообще чокнутого, бредящего манией своего высокого предназначения для блага человечества. Лично зная родителей Шерлока, друга сына, она не волновалась за то, будет ли покормлен Хисп у них, скорее ее больше тяготила атмосфера в этом семействе. И тут даже не в яростном атеизме Эсперсонов было дело. Просто они были какие-то не такие как все. И словно два минуса, дали не плюс, а еще более странный минус в виде такого же странного Шерлока, названного дивным именем.

Эмигранты Эсперсоны, прибывшие из северных частей Содружества (чего им там не сиделось? Говорят там хорошо) поселились в соседнем квартале, и сразу стали чуть ли не центром, рассадником всех духовных пакостей в этом бедном районе. Злые языки, коих везде предостаточно, сыпали словами, что еще немного и этот квартал постигнет участь Содома. И не важно, добавляли они, что тот погиб по другой причине, – дела, происходящие у «нас» тоже весьма тяжки. Нет, они не пропагандировали, внушая своих ценностей, просто жили в соответствии с ними, – но этого, как и в случае с другими заразными дурными примерами, оказалось достаточно, отчего все «новинки» тут же схватывались и передавались другим, особенно детям. В их пустые еще души мигмом вливалась вся пагуба такого воздействия, оставаясь там надолго, смешиваясь с тем полезным и добрым, что пытались привить «нормальные» родители и учителя. И нужно было постараться, чтобы вкус от осадка, смешанного с чистой квинтэссенцией несколько тысячелетнего развития человечества, не давал о себе знать. Одним из таких павших от чар пришлого семейства и считала Эмма своего сына Хиспа. И как ни укоряла себя Эмма Эсперсон, что ничего в этом мальчике Шерлоке нет, ведь даже слова дурного она от него не слышала, все равно навеянный обществом страх сидел глубоко внутри. Муж Эммы, Сэм Митчелл, вовсе не обращал внимания на такие мелочи, ему важно было прокор-

мить семью, и как это делалось, его не особо касалось – зарабатывал то тут, то там, иногда случайно. Он любил говорить – при голоде все средства хороши. В силу этого, некий жалкий атеизм и страшное богохульство соседей его не возмущала. Более того, он просто не замечал его.

Когда сын не явился и на ужин, начались вкрадываться мелким шажком подозрения, усилившиеся на третью синюю таблицу времени не появления сына дома. Не выдержав, пропуская работу, что могло стоить ей очень дорого (впрочем, для кого ей стараться, если не для единственного ребенка?), Эмма связалась с первыми, с кем она могла связать местопребывание Хиспа. Дома у Эсперсонов не отвечали, а вот личный звонок был принят. Герда Эсперсон быстро ввела в курс дела все еще недоумевающую соседку, оповестив спокойным тоном, словно она рассказала погоду или о новой выходке Евгеники, о том, что ее сын, Шерлок, и скорее всего Хисп, его лучший друг, отправились на «поиски приключений». Эмма вскрикнула и не дала договорить, спрашивая, где они находятся. Не поняв вопроса, Герда ответила по своему:

– Я не знаю где дети, мы же, – в полицейском участке. С утра... И признаться, очень устали... – последние ее слова уже слушал воздух, ибо Эмма вместе с мужем бросились к ним.

Однако пробраться так быстро как хотелось, не удалось. Сам участок располагался в известной башне на улице Новых Времен, чтобы добраться к которой необходима была особая доля везения, из-за загруженности трафика на новой улице. Тут спускались грузовые суда с моста Дьябло, смыкались транснациональные автодороги, прочие местные пути. Несмотря на всего лишь восемь уровней, тут пребывал кажется весь город. Через полторы таблицы зависимого времени, чудом спасшись от очередного потока с Дьябло, чета Митчеллов стояла в холле башни Лупо, слабо соображая куда же им теперь идти. И спросить тоже не у кого было. Тут были лишь автоматизированные справочники и прочая неживая нечисть. Пройдя к справочнику, долго копошились в нем, заполняя все возможные формы запроса, овладевая на ходу премудростями офисного дела. Указав район, один из беднейших, они получили ответ, что их уровень и участок находится под землей, на уровне минус пятнадцать.

– Ну да, все правильно, – заметил невозмутимо Сэм Митчелл. – Было бы удивительно если бы нас повысили... Спроси-ка у этого механизма, раз он уж тут приставлен, где в этой башне лифты? Что-то я их не вижу! Или может тут только вверх помощь, а вниз – пешком, как и подобает черни?!

Поспешив исполнить просьбу, Эмма получила ответ, как пройти к лифтам. Спустившись вниз, пара попала в великолепное пространство, и если бы не знали что оно под землей, то исходя из дизайна, никогда об этом не догадались бы об этом. Все помещения под прозрачным атриумом, над которым плыли голубоватые облака, были расширены максимально, чтобы компенсировав отсутствие окон, не давить на психоэмоциональное состояние работающих и посещающих это место. Пространство под атриумом уходило глубоко вниз, на десять-пятнадцать этажей, и на каждом уровне сновали люди. Все рабочее пространство рационально организовано и расчерчено. Заблудиться нельзя было, а если кто и решился на это – то над головой всегда висел указатель.

– В этом месте побродить, уже сущее наказание, – пробубнел Сэм, спеша за женой, несущейся по указателям сквозь толпу. – Пока зайдешь и выйдешь, считай уже отбыл его!

Наконец в коридоре, у большого приемного зала суперинтенданта, они увидели скучающую пару Эсперсонов. Они выглядели именно раздосадованными и унылыми от скуки, а не как родители потерявшегося ребенка. Сидя рядом у кабинета, чинно и мирно беседуя, оглядываясь на происходящий вокруг хаос, они перебрасывались улыбками. Поведение четы Эсперсонов возмутило Эмму, и она без приветствий, подбежав, погрузилась в выяснение отношений.

– Что, что такое? Вы что-нибудь знаете?

– Успокойтесь, – призвал Якобс Эрсон, картавя с акцентом безбожно. – Вот.

Он протянул Эмме черную гибкую пленку с местом, где нужно было взять ее рукой. Там была кнопка. Эмма схватив записку, нажала волшебную кнопку и прочла:

Записка на домашнем информаторе дня – «Родители! Считаю вполне необходимым уведомить вас, что пришел на мой взгляд час, когда нужно уже на деле проявить то, чему я научился. И сделать это нужно не у доски, где все терпит, а в реальном испытании. Скоро мое совершеннолетие! Это очень много, так как сын Цицерона в 19 уже командовал конницей, ввязываясь в бои, а Октавиан Август чуть ли не с отрочества в государственных делах, не боясь вступать при этом и в сражения. А в 21 ... Пусть есть разница в летосчислении – и все же! Да что говорить: это-то в их времена? При таких примерах я страшусь мешкать. Но не бойтесь – пункта умереть в моих планах нет. Ибо нет ничего глупее и бессодержательнее смерти, в чем нельзя найти никакой пользы. Поэтому моими стражниками будут расчет и разум, хладнокровие и самосохранение. В походе за доблестью и пользой для всего человечества они мне пригодятся! Я – не Одиссей, и поэтому долго скитаться не намерен, – мой подвиг быстр и молниеносен, но все равно триумфален. Ждите скоро! П.С.: Я – не один, это усилит мои шансы (решаюсь на такое предательство, чтобы успокоить вас!)».

– Но... тут ничего не сказано о... – протянула задумчиво Эмма. Рассудок отказался сотрудничать с ней.

– Очевидно же! – вмешался Якобс.

– И... И что *они*? – Сэм кивнул в сторону приемной суперинтенданта. Герда сделала непробиваемое лицо.

– Неизвестно. Ищут, наверно... Но мы заполнили форму только о Шерлоке...

Эмма уже рвалась внутрь, нарушая спокойную, почти сонную атмосферу кабинета суперинтенданта, которого, правда, на месте как обычно не было, зато было набито как селедок лейтенантов и прочих работников этого уровня. Они восседали перед могущественными поисковиками и важно смотрели в их огромные экраны-карты. Возле некоторых, не больше трех на весь зал, сидели люди, с лицами схожими по состоянию, в котором пребывали Митчеллы. Остальные поисковики пустовали, и работники полиции явно скучали. Не зная, что делать, Эмма и Сэм подошли к первому попавшемуся лейтенанту и рассказали свою просьбу. Тот обрадовался, и запустив поиск, готовый найти кого угодно и где угодно, хоть на Венере, выпалил:

– Номер чипа?

Если бы надежда имела вес и телесность, то ее падение можно было бы слышать на нескольких этажах и в отражении от стекла чудесного великого атриума, а так она лишь ударила по душам родителей. Разведя руками, они уныло отошли от расстроившегося полицейского, которому не удалось испытать свой чудо аппарат. Изменившимся тоном, он указал на три стола в углу обширного помещения суперинтенданта, за которым на груде бумаг и пленочных экранов сидели не то преступники, наказанные массой работы, не то полицейские, не заслужившие использовать поисковики. Возле них была очередь. Промедление убивало и заставляло в сердцах говорить слова, за которые можно было поплатиться.

– Зачем вся эта показуха? – раздраженно говорил Сэм, сея разброд и шептание в очереди, – в бедном квартале понаставили техники. Только бы деньги списать. Вместо того чтобы бесплатно раздать чипы, раздают помощь в поиске их... что еще надо сами чипы найти! Боже милосердный, ну ведь все же уже почти чипованы, неужели в этом океане тел, нельзя найти тех нескольких несчастных, что не имеют их? Вот уж правильно сказали – прогресс шагает быстрее нравов.

– Тише там, в очереди! – пригрозил уже поживший, но еще достаточно молодой лейтенант. На его форме блестело две награды, но звание было то же. – Чем вы больше кричите, тем меньше работы делается.

Сказав повелительное слово и наведя порядок в ропшущей массе, его снова поглотила работа. Руки быстро перебирали листы бумаги, картотеки, фотографии, детей, взрослых, и взрослых-преступников, привлекавшихся за похищение и прочие преступления. Работы было много, и когда каждый, кто роптал в очереди, приближался и видел такой нечеловеческий труд, притом в век высоких технологий, то мысленно проникался уважением к труду несчастного помощника в своих делах.

– Это вам, господа, не кнопку нажать! – возвышенно сказал один сребровласый и гордый старик, импозантно стоявший вторым в очереди. Его поношенный плащ резко контрастировал с его выражением лица и позой. Впрочем, ему было не до этого – у него потерялась внучка. «Две недели как» – пояснил он нарочито в старом летоисчислении, добавив некоторые подробности. Родителям до нее не было дела, следовало тут же далее, лишь когда стало совсем нельзя откладывать поиски, пришлось взяться старшему поколению, приученному к ответственности и порядку.

Признание старца положило начало целому воплю толпы, где каждый рассказывал о своей нужде, жаловался и стонал, проклиная свою судьбу родиться в этом месте и в этом городе, где так много людей просто исчезают раз и навсегда.

– По-моему это все заговор! – вдруг заключил один молодец. Все обернулись на него с ожиданием продолжения. Приосанившись, он рассказал, что никого не терял, а всего лишь разыскивает друга. Тот приехал из-за границы, но в пассажирском порту что-то пошло не так, и он вынужден был скрываться как уголовный преступник. Теперь, когда пришли его документы с подтверждением из Бразильского Доминиона, снес их сюда, как доказательство. Сам рассказ был пропущен мимо ушей, поскольку всех интересовал вопрос заговора.

– Ах, вы об этом, – усмехнулся белыми зубами молодой человек, и пояснил, поправив ворот теплой куртки, – в ней было жарко, но не решившись отдать ее как реликвию в гардероб, он мучился. – Мне кажется, что нас так расплодилось, что само наше естество тянет вдаль от давки и столпотворения, в тишину уединения... и никто, заметьте, не хочет положить конец пропажам, будто таким образом контролируя численность населения. Убивать как бы зазорно, извините, а ... таким образом. Это, кстати, объясняет тот факт, что именно бедных, то бишь нас, не чипуют. Иными словами очень похоже на то, что в правительстве потакают в принципе полезным естественным процессам. А вы что подумали? Что это крысы, позавидовав нашему скорейшему размножению, устроили заговор? Ха-ха...

Много еще чего слышали в очереди люди, и немало смешного и похожего на такое, а также на выдумку. Но мало кто улыбнулся хотя бы одной шутке. Слишком подавленным было настроение в этой массе людей из обслуживаемого квартала, как и маленькой была надежда на спасение потерянных близких. Уныние разлилось по светлому участку глубоко под землей, наполнило до краев огромный атриум, пристало к людям. Унылыми были даже те обычно веселые работники полиции, именуемые приемниками, сидящие за всемогущими поисковиками. Все, кто попадал в атмосферу бедного и многолюдного квартала, предавались этому чувству безвозвратно, и чем дольше они ему подвергались, тем тяжелее было смыть его запах вечером в душе.

Стояние в очереди, вялотекущей и оттого погруженной в шепот и пересказывание легенд и мифов, свежих и старых, что можно было отличить по оформлению, сюжету и слабой выдумке, казалось настоящим испытанием. Дух Эммы рвался что-либо сделать, но бюрократическая машина тормозила все порывы и стремления. Наконец, когда очередь подошла, и она с Сэмом уселась напротив постаревшего на работе полицейского, так и не получившего повышения и перевод, ее охватило безумие деятельности. Женщина непременно хотела все рас-

сказать, чтобы хоть чем-то помочь следствию, внимательно заполнила заявление и личную карточку, ответила на вопросы, и нагородила большую гору ненужной информации, детализирующей чепухи. Сначала лейтенант представившийся Сайей Грином, терпел всю слезную болтовню, затем стал обрывать, сворачивая речь взволнованной женщины на рейки ведущие к делу, а после и вовсе запретил ей говорить иначе как отвечая на вопросы. Это привело в уныние Эмму. Надежда, вырвавшаяся во время стояния в очереди, начала угасать, ей точно показалось, что перед ней вырос тот самый пресловутый зверь в виде бюрократического чудовища, страшного, но ужасно медлительного. Чтобы хоть как-то растянуть остатки надежды, Эмма стала отвечать расплывчато, уклончиво, долго припоминая, и растягивая ответы. Это злило даже мужа, но оказаться в руках ожидания, спутницы времени, ей представилось еще более позорным по отношению к детям и к своей совести.

Лейтенант Грин устал от этой парочки. Едва сдерживаясь, он почти прекратил всякое общение с убитыми горем родителями.

– Повторяю еще раз, – вам нечего бояться. Несмотря на то что мы не сможем применить автоматический поиск вашего сына, мы применим те методы, что применялись многие столетия. А уж они проверены временем!

– Какие методы? – испугался Сэм. – В Метрополисе где 250 миллионов жителей? Легче тогда уж на ощупь пальцами отыскать неправильный атом в металлическом бруске!

– Двести семьдесят пять... уже, – с горечью уточнила численность населения Эмма, смотря вниз. Присутствие духа окончательно покинуло ее. Еще немного, и она должна будет присоединиться к тем извергам, что потеряв ребенка, сидят и пускают друг другу улыбки. То есть к Эсперсонам.

– Заклинаю вас старым временем, – вскрикнул старик в плаще в конце очереди, – нельзя ли побыстрее?

Он уже оформил заявление за этим столом, и теперь получив запрос, оплатил его, неся подтверждение обратно к полицейскому. Естественно, ему для этого нужно было выстоять в очереди во второй раз, в которой ему ну никак не хотели уступать место даже не пять «секунд» (и такое слово не подействовало). Дивно было наблюдать такие старинные рудименты бюрократии в великолепном и чрезвычайно укомплектованном здании полицейского отделения.

– Прошу вас, прошу! Сделайте все возможное, чтобы найти его... Пожалуйста! – взмолилась Эмма, когда ее попросили покинуть стол ибо все формальности были соблюдены. Она медлила, поднимаясь будто в замедленной съемке. – Он у нас единственный... это так. Другого уже не сможем.

Сэм покраснел и, извиняясь, оттащил супругу от стола на радость ожидающим. Еще немного и она совсем бы наговорила много лишнего. Выйдя из-за стола, она изменилась, и придя в страшное уныние, поплелась на выход из кабинета суперинтенданта, который, к слову, так и не явился.

Уже у дверей их догнал Грин, и сделав хмурое и серьезное лицо, сказал:

– Не нужно было убиваться – мы действительно относимся ко всем делам с необходимым вниманием. Ничего не оставляем...

– И каков же процент найденных? – осведомился Сэм. Эмма, кажется, не могла говорить. От вопроса, лейтенант замер и обдумал ответ, отчего он вышел зализанным и банальным.

– Много случаев положительных!

– Этого мало, – заключил Сэм. Грин не стал возражать.

– Хоть что-то в таком потоке... сколько вы сказали население? Вы, кажется, лучше осведомлены... Послушайте, у меня таких случаев уже двести штук!

– Людей, молодой человек, людей! – поправила Эмма.

– Вот именно. И чтобы бумажки стали людьми, нужно внимание, и никак не причитания. Каждый из них, – Грин качнул головой в волнующуюся очередь, – жаждут не меньшего внимания к ним. В общем, я уже сказал о своем отношении. Ждите! Обычно к вечеру, когда закончится прием заявок, мы отправляем данные и к утру первые сведения появляются. Запомните – мы, действительно работаем, не то что...

Он ушел не договорив, имея в виду скучающих операторов поисковиков, а в голове у Эммы только лишь слово «утро» стояло. Да это же целая вечность – время до утра! Пришлось чете Митчеллов присоединиться к Эсперсонам, благо на стулья правительство не поскупилось, будто ожидая что в отделе розысков будет много посетителей. Усадив жену, Сэм помчался платить, а затем стоять в очереди, или проталкиваться сквозь нее, чтобы отдать квитанцию.

Когда Сэм и Эмма вышли из кабинета суперинтенданта, то сразу не заметили что рядом с Эсперсонами уже сидел пожилой мужчина, в строгом черном костюме, лишь рубашка воротником-стойкой виднелась из-под него. Коротко стриженный, прилично седой, с большим носом и елейными глазами, он что-то говорил своим соседям по стульям. Те слушали очень невнимательно и несерьезно. Но священник, а что это был именно он, сомнений не могло возникнуть, еще не знал, с кем связался. Хотя когда Эмма присела рядом, усаживаемая Сэмом, то невольно услышав разговор устами Церкви с соседями, поняла что святой отец близок к осознанию линии жизни выпавших ему на вечер людей.

– Ну хорошо! – вдруг, невзначай приосанился Якобс и повернулся резко к священнику, что именовал себя Мюнхом. – Чем вы можете помочь нашему сыну, и уж тем боле нам? Мы-то вовсе не нуждаемся в помощи. Мы сыты и в тепле... А он? Где, кто знает что с ним?

– Кому как не нам искать и приводить заблудшие души? – разразился тирадой отче, но очень скромно и серьезно. – Но только те, что с нами рядом. Ведь мы такие же люди как и вы. Не больше, ни меньше. Далекie души под покровительством господа нашего всенаходящегося и вседержимого!

– Так я и знал. Мы уже уповали на господа вашего, однажды... а он обманул нас и теперь! Так что не тратьте слова...

– Неудивительно, что в такой семье выросли такие дети! – воскликнул отче. – Если сами родители, живя в удивительнейшем доме господа, не удосужились поднять глаза над мраком и увидеть дела воистину величественнее, чем множества слов и проклятий! О Господи, прости этих сидящих передо мною, но заблудших овецек, породивших заблудшего в тенях города! Дай мне видение пути наставления на путь истинный.

– От ваших слов, отче, не холодно и не жарко! – возразил очень стойко и без эмоций Якобс Эсперсон. – Хотя, впрочем, они не раздражают. Мы люди воспитанные, можете говорить.

– Честное слово, клянусь, – взъелась Эмма, вмешиваясь в разговор, – ему не нужно ваше разрешение!

Услышав защиту в свой адрес, явно прозвучавшую из уст женщины, отче Мюнх приподнялся со вздохом и усилием, и пройдя несколько футов, уместился ровно в то одно свободное место, что было между Эсперсонами и Эммой Митчелл, которое она оставила для мужа. Усевшись между страждущими, он разделил их собой, и заодно получал возможность воздействовать на обе пары, поскольку вернувшийся довольно быстро, потирая работавший в очереди локоть, Сэм с удивлением обнаружил место занятым, сел слева от жены.

Повернувшись к Эмме, отче представился, назвав и свое имя и сан, сказал задушевно:

– И у вас ребенок пропал? – Эмма кивнула, а с противоположной, разделенной телом священника стороны сидений послышалось:

– Это ему бог подсказал? Или название отдела? – но шутка Якобса была встречена в штыки даже Гердой. Она не могла потерпеть такой невоспитанности, поэтому ущипнула мужа за руку. Тот осекся, обрывая смех.

– У вас здесь миссия? – отерев слезы произнесла Эмма проникновенно, глядя с надеждой на отца Мюниха. Тот улыбнулся, но скромно и умиротворенно, отвечая так:

– Моя миссия быть с людьми, как можно ближе к ним. Я здесь по своей воле, или даже вопреки Церкви, где приветствуется разделение. Но разве можно удержаться от свершения добрых дел? Тогда зачем вообще все? Зачем жизнь и молитвы? Жизнь – это лишь средство, остальное цель. Опишите мне вашего ребеночка, сестра, а уж я подумаю как можно помочь!

Опешив от такого поворота, Эмма все же принялась описывать все то, что описала полицейскому, а потом пустилась в еще более пространные рассуждения. Благо отче был не полицейским, скованным правилами и уставом, подгоняемый очередью и кипой дел. Он выслушивал все смиренно, даже делая пометки в блокноте, водя по экрану пальцем, будто рисуя.

Скорбящей матери, знающей, что потеряться в этом городе, еще хуже чем умереть, ведь при смерти хоть тело остается, такая разгрузка для души и нагрузка на свой речевой аппарат, помогли и она почувствовала себя легче. Еще совсем недавно она не могла и помыслить остаться сама в себе, со своими мыслями, а вот уже и облегчение. Ее ничуть не смутило обещание помощи от такого человека, что даже не выходил из здания участка, но от помощи она не отказалась.

– Простите, отче, – вмешался Сэм. – Не сочтите за наглость, но как вы можете помочь, если вы один, а Церковь так мала, количественно, и насколько я знаю, не пользуется никакими средствами... современными? Что вы делаете?

– Наша сила в наших братьях. А братья наши – это почти все население Метрополиса... – он оглянулся на Эсперсонов, – может и не все, но абсолютное большинство. И ведь не могут же все быть настолько заняты суетой этого города, быть слепыми, глухими и немыми к проблемам других, к увиденному глазами души, чтобы не заметить, не услышать, а затем рассказать нам, служителям! Сколько раз такой метод помогал! Тут не в количестве священников дело, а в количестве носителей идеи Церкви.

– Вот это правильно! – похвалил Сэм. – Честно говоря, по вашему виду сразу и не узнал бы, кто вы... Позже догадался.

– Внешний вид не главное, главное – во что одета душа! – заключил благосклонно Мюних. Вся сидящая слева от него братия тут же согласилась с ним. – А ее только одна одежда радит – добродетель. С ней и спится крепче, и живется легче.

Пока отче Мюних словами успокаивал души страждущих, незаметно отправил описание пропавшего на сервер своей Церкви, находящейся за несколько мегакварталов от этого места. Увидев такое действие, Эсперсоны пришли в возбуждение, и проламывая точным ударом гордость, обратились к священнику.

– Скажите, отче, – начала Герда. Человеческие чувства стали просыпаться в ней и нетерпение взяло верх над дерзостью. – Можно ли и по нашему сыну попытаться счастья?

– Можно не спрашивать! И ищут счастья только глупцы и алхимики, мы же действуем наверняка, – ответил Мюних. И достав блокнотик, опустошенный отправкой описаний Хиспа, принялся за составление описания Шерлока. Сконфуженные Эсперсоны отнеслись к заданию сверх строго, отчего язык их высох и они дали описание, больше похожее на портрет, описывая каждое свойство Шерлока и внешний вид с математической точностью и сухостью. В конце концов, получился самый настоящий портрет, взглянув на который, родители Шерлока вздохнули и подтвердив схожесть и желание участвовать, разрешили отправку данных на сервер, теснее прижимаясь друг к другу.

Еще через некоторое время, неизвестно какого исчисления, но кажется довольно длинного, особенно для ожидающих, участок почти опустел. Тут остались лишь работники и те, кому судьба пропавших была действительно близка. Когда стих гомон заявителей и прочих посещающих великолепное здание, наполнявших его и пространство под атриум, началась работа полицейских. Они бегали взад и вперед, натываясь на бродящих обеспокоенных людей.

Старик в плаще, привыкший к спартанским условиям, о которых не слышал в этом зале никто, кроме него самого, расстелил свой плащ у стеклянной опоры, ограждающий каждый этаж участка от глубокого атриума, улегся прямо у этого само ограждения, не собираясь покидать здание без получения подпитки в виде хоть каких-либо новостей. Такое безобразие попало в око камер наблюдения, отчего сразу же явились охранники и бесцеремонно растолкав ногами еще не спящего старика, велели ему убираться, ссылаясь на недопустимость такого поведения в общественном месте в котором, как казалось карательные полномочия подвешены прямо в воздухе. Но он отказался и собрав пожитки, сел на стулья и стал дремать уже здесь. Его преданность делу не могла не восхищать, особенно в таком почтенном возрасте.

Когда новые часы в холле показали на вечерний зависимый день, в коридорах и залах участка стало совсем тихо. Совсем недавно приходил измученный работой и усталостью Грин, рассказывая, что работа по поискам началась и что нужно еще подождать. Затем все опять стихло. Люди снова остались в тишине в которой с уверенностью мог чувствовать только их внутренний голос. Как обычно нашептывая бесполезные мерзости, он подстрекал к действиям и манил вперед.

– А ведь это все вы! – вдруг заключила Эмма, не оборачиваясь к «вражеской» паре иностранцев, – вы сманили Хиспа...

– Мы-то тут причем? – возмутился Якобс, поднимая голову с плеча жены также дремавшей, склонив голову.

– Ваш сын – вы и виноваты. Сам Шерлок признался, – слепок и ваше порождение. Вечные бредни в голове, раздутой формулами! Как можно издеваться так над ребенком, калеча раньше времени?

– Спешу напомнить что он сам выбрал свой путь, мы лишь содействуем, – немного отдохнув, Якобс готов был к дискуссии. – Запрещать – это все равно что поощрять, только вопреки своей собственной воле! И не хотелось бы вспоминать все, но не от вас сынок тоже сбежал? Потому как, кажется, речи о похищении не было?

От возмущения Эмма привстала и повернулась к обидчику. Однако ее начал успокаивать муж, а Эсперсонов с Митчеллами мирить священник. Этот поистине могучий человек бодрствовал уже долгое время, словно наплевав на повеления новых часов, и смены времен по ним. Ни разу не отлучившись от страдающих пар, он находился подле, и помогал чем мог, утешая.

– Будет вам, успокойтесь, – мирно проговорил Мюних. – Не зазывайте криком беды – почуяв свое, они явятся. Они нам ни к чему, пусть лучше пребудут с нами умиротворение и покой, как залог удачного разрешения соединившего нас дела.

Он говорил внятно и зычно, хотя его высохшие тонкие губы почти не шевелились. Это обстоятельство заставляло Якобса к его пущему стыду смотреть в рот святому отцу, высматривая, откуда берутся слова.

«Уж не чревоушает ли он, шельма?» – проснулись бредни от усталости и голода у мистера Эсперсона перед самым началом зависимой ночи. Чертова негасимая ночь! Прогресс прогрессом, но спать то хочется тогда когда часы говорят день, а ночью хоть стихи сочиняй. Нет, определенно нужно все поменять. Возможно, даже обратно.

С каждым движением таблицы времен нового хронометра, отвращение к нему становилось все невыносимей. Каждый проход по дуге отбирал драгоценные мгновения у детей, решившихся на взрослый поступок. Две пары с абсолютно разными мировоззрениями сидели разделенные как стороны на войне святым отцом, самой Фортуне известно как выбравшим такое место. Они посматривали на новые часы кажется совершенно одинаково – с мольбой и надеждой. Но упрямым часам было все равно – им нечего и некого было бояться. За ними стояла новая религия и власть, стояли незримо деньги и большая выгода. Лишь будущего от них не ждал никто. О нем как будто по всеобщему безумию или халатности забыли, пренебрегая. Спесивые люди малодушно не принимали во внимание, что пусть и не все, но некоторая часть

его, будущего, зависит от них настоящих и поступков. Как ни странно, но именно времени и не хватало для этого.

Глава IV Яркой ночью

О том какие бывают порты в современном мире. О собаках и тех, кого они едят. О везении и невезении, о приветственных словах в новом мире. А также о свободной и удаленной жизни, что привлекает, но не всех.

Шерлок уже, здесь и сейчас, не доставал свои волшебные часы. За пределами города он мог устанавливать свое собственное время, его ход и счисление. Что он прекрасно и делал. Такое дерзкое поведение придавало бодрости и энтузиазма. Город давил авторитетом, наказанием за опоздание на работу, всей силой общества заставляя принимать условия игры. И люди сдавались, становились безропотной толпой под умопомрачительные таблицы времен, с замиранием ожидая сообщений информаторов о том, принят ли новый Союз в Лигу Народов с новым временем. Со страхом оттого, что в таких случаях к безумно разросшейся табличке приписывались еще зависимые времена новопосвященных народов. Это угнетало, однако ропща, масса съедала и эту кость, проглатывая послушно. Нельзя представить какой был ажиотаж, конечно отрицательный, когда появились предложения ввести независимое время в тех провинциях, где даже по географическим меркам можно было бы ввести отличное счисление и часовые пояса. Но эти страдалцы, получая, будто за грехи все неудобства от нового времени, награждались тумачами еще и от природы, принужденные терпеть, ибо общество в своей массе уже не вынесло бы новых издевательств и вернулось бы к старому времени не иначе как в пожаре революции. А этого нельзя было допустить, чтобы не разрушить уже построенное общество.

Прошло уже довольно много времени, как отпали понятия дня, месяца, года, а ночь и день стали в угоду графику и новым часам. И над всем этим, буквально и метафорически, стояла Евгеника. Монстр, компания конгломерат, сверхгосударство в мире укрупнившихся государств и союзнических метрополий. В довершение ко всему над головами мерцали, напоминая о могуществе этих людей, звезды Кастора и Поллукса, дьявольского изобретения компании, на страхе от которого держались и новое время и махинации на рынках и прочие вольности, допускаемые с попустительства народа и правительств многих союзов и метрополий. Вот уж дурное название, и словно под стать ему, такое же вредное объединение богатых ученых. Впрочем, от ученых там остались лишь рядовые сотрудники, что трудились в огромных лабораториях. Высокие посты и колоссальные кабинеты занимали профессиональные махинаторы и дельцы. Их поведение не могло никем контролироваться, поскольку Евгеника находилась на стыке Союзов, но ни одному из них формально не подчиняясь, присутствуя тем не менее не многих территориях. Вели себя крайне возмутительно и дерзко, действуя без промедления, молниеносно и как обычно смертельно для врагов и конкурентов, меняя всю человеческую реальность как им вздумается.

Теперь же, сидя у бетонной подушки поистине исполинских размеров по площади и массивности, от которой веяло могильным холодом, Шерлок живо размышлял про себя не сомкнув глаз, не в пример Хиспа и Гутты, о том как же все таки здорово быть за городом, где слово «самостоятельный» и «независимый» чуть ли не приобретают реальные лица. Когда стало темнеть, он достал часы с таблицей «утро», но даже не обратив на это внимания, нажимал другие кнопочки. В его часах много функций, помимо «отыскания» времени в громоздких таблицах. Понятие Время стало самым сложным и скучным явлением в жизни людей. Выскакивали циферки, мелькали картинки, проносились воспоминания. Задев за живое, они взболтали душу, достав то, что должно быть похоронено навеки в еще юной душе.

Шерлок спрятал часы и пошел будить соучастников в осуществляемом безумии.

– Чего тебе? – пробурчал Хисп, только-только согревшийся. – Еще видно! Нас же заметят.

– Те кто может нас здесь заметить, видят и в темноте. А наш человеческий глаз радуется свету – поэтому поднимайся сам и поднимай неженку. Пора, – командовал Шерлок, возвращаясь к рюкзаку и складывая в него то, что достали во время ужина. Быстро зашвыривая посуду и переносной нагреватель, остатки пищи, придавив все рукой. Своей возней разбудил Гутту, удобно устроившегося на мягком ковре из травы и с подушкой из камня. На голове у него было две шапки, плюс мягкая повязка, поэтому булжничек показался ему домашней подушкой.

– Что уже? – спросил он, потирая глаза по-ребячески. – Но ведь ночь...

– Видел? – усмехнулся Шерлок обращаясь к другу Хиспу, что еще лежал, вбирая последние минуты отдыха перед очередным препятствием. – Вот что с людьми пропаганда делает.

– Ну а что ему революцию устраивать? Так проще – привык и все! Сам никак не научусь к такому выживанию.

– Но ведь глаза-то, глаза на что даны? – вскрикнул Шерлок. – Спит солнце – вот вам ночь, клонит в сон – танцуйте. Не согласен – или выньте мой мозг навечно, или что-то надо придумать.

– Но ведь всегда так было. Разве может быть иначе? – встревожено проговорил Гутта, ожидая ответа от Шерлока, очень умного малого как он догадался из его речений.

– Для тебя – всегда, для нас тоже – а вот для прабабушек... очень все по-другому было! Не удивительно, что ты сбежал, поскольку родители у тебя такие болваны, ведь даже к твоим-то годам не рассказали хотя бы на словах...

– Хватит уже! – прервал вдруг их риторический диалог Хисп недовольный подъемом. Попадая на крючок к отдыху, уже нельзя оторваться и человек сделав это, был огорчен и зол. – Лучше обсудить и повторить наш план по проходу этого проклятого места. Тем более, что у нас несмышлениш обзавелся!

– Почему проклятого? – совсем не испугавшись спросил Гутта.

– Не дай бог тебе узнать! – попытался напугать Хисп.

– Нам узнать, – поправил Шерлок, он стоял уже готовый выдвигаться и смотрел с тоской на возню товарищей по походу. Сонные, медлительные, неповоротливые, они сновали теньями по пляжной гальке вперемешку с мягкой серо-бурой землей с вкраплениями травинок. Собирали пожитки, кое-как укладывали их в рюкзаки. Первым справился Гутта, поскольку у него был маленький рюкзак, и побросав внутрь все что был под рукой, он посмеивался, присоединившись к Шерлоку. Закончив со сборами и взвалив на плечи свою тяжелую ношу, Хисп вздохнул и присоединился к группе, что уже стояла возле дырявого забора взобравшись по отвесному земляному рву вверх и влево, изрядно испачкавшись. Но на темных одеждах не было видно следов, лишь приставшие травинки показывали места загрязненности.

Выстроившись нестройной, как по росту, так и по иным критериям, троицей, путешественники замерли, взирая на колоссальную площадку порта, что простиралась до самого горизонта, где ее границы укрывал туман и предел зрения.

Справа поднималась толстой ногой башня радара, оканчиваясь в неизмеримой высоте куполом головы, под которым прятался мозг – сверхмощный излучатель, от долгого пребывания под которым могли начаться головные боли. Серая нога его уходила конусом в небеса, теряясь в тумане. Но все же очертания были хорошо видны. Шерлок достал часы и перевел их в режим приема радиосигналов, после чего услышал шепот и говор маяка-радары. Он то хлопал периодически, то пищал и шипел в известном ему одному ритме, потом два раза низко ухнул и начал повторять все дивные звуки заново. Гутта нагнулся к волшебным часам Шерлока и с удовольствием их рассматривал, и его нисколько не заделали звуки, но сам вид дорогой игрушки. Созерцание было недолгим – Шерлок спрятал их и посмотрел вперед, не решаясь сделать первый шаг на территорию опасного места. Гутта и Хисп последовали его примеру,

уоставившись перед собой. Сколько ни всматривались они, насмотреться и насладившись охватить мыслью размеры этого места, нельзя было.

Они стояли на самом краю порта, его причальной части, а сама площадка уходила далеко вглубь суши, вправо, там где за бетонным забором скрывали его истинные размеры пространство и туман. Впереди перед ними было лишь гладкая как стол площадка, иногда прерываемая быстрорастущими ввысь ногами кранов и телами грузовых самоходных сферических контейнеров. Вершины кранов не были видны из-за клубов тумана, струящегося в виде беспокойных облачков, извиваясь даже на легком ветру.

– Пойдем по краю... – заключил Шерлок и смело ступил на территорию порта за забор. За ним последовали не без вздохов остальные. Но не сделав и двадцати шагов, Гутта чуть не угодил в первую ловушку. Ступая неосторожно, смотря вверх, ища верхушки кранов, расставленных в шахматном порядке далеко друг от друга, он едва не провалился в какую-то канаву. И если бы он сам не был таким маленьким, и Хисп не удержал за воротник, затрепавший от нагрузки, то нога в эту канаву точно провалилась бы. Гутта выругался и посмотрел вниз, чтобы смотреть на звезды, не упасть в колодезь.

Окаймленная гладким металлом, неширокая, в двадцать пять дюймов шириной канава, была заполнена какой-то маслянистой жидкостью, отчего узнать ее глубину не представлялось возможным. Она тянулась наискосок, по диагонали. Гутта провел взглядом вдаль, увидев, что точно такая же канава пересекает первую под прямым углом. Затем еще одну, и еще. Охнув, он заметил, что вся площадка порта расчерчена такими пересекающимися канавами, отчего на поверхности образовался рисунок наподобие многочисленных ромбов со стороной в 75 футов, блестящих железными краями канав. Сверху это все наверно красиво смотрелось. Хотя делалось вовсе не для красоты. Ибо смотреть на нее некому было, – порт абсолютно автоматизирован и живых созерцателей, способных внимать приятную и совершенную геометризацию, здесь не было.

Стараясь обходить эти канавы, Шерлок сворачивал все левее, приближаясь к кромке моря, где начинались причальные пирсы. Вот уже послышалось тяжелое плюханье чрезвычайно загрязненных припортовых вод о сковавшие их железобетонные пристани, и неприятный химический запах мазута, других порождений человечества. Достигнув края, путники пошли строго параллельно краю причала.

– Теперь долго идти, – сказал тихо Шерлок, как будто настало время говорить, но делать это следовало осторожно. – Зато после этого места дорога пряма и быстра, и даже не без удовольствия – ведь начнется дикая природа. Птички, животные, и прочее... Если оно, это все, конечно выжило.

– А что это за ямы? – поспешил спросить Гутта, про одну из тех ловушек, что он едва не попался на пороге порта.

– Разве не ясно? – ответил Хисп. – Это направляющие.

– Что такое направляющие? – не отставал Гутта. Ему было скучно и он прогонял скуку ветром изо рта.

– Это такой путь, – пояснил не без раздражения Шерлок, и предупредив очередной вопрос, досказал сам. – Путь для охранников... этого места: так называемых «собак». А в борозде плещется смазочная жидкость. К тому же ядовитая, это на тот случай, если кому-нибудь вздумается уберечься от охранников спрыгнув туда.

– Собак? – восхищенно спросил Гутта.

– Это мы их так называем. Как они называются в техническом руководстве создавших их безумных разработчиков, – понятия не имею, и если честно, не желаю. Главное что, как ты видишь, их сеть опутывает всю территорию и спрятаться тут негде! Вот это меня волнует...

Он не договорил как из тумана выплыла для обозрения сфера контейнера. Он был так огромен, как дом в несколько этажей, что путники невольно замерли на некоторое время,

чтобы осмотреть его. Испещренный царапинами и вмятинами корпус грузового контейнера, покоился ровно в центре одного из ромбов, образованным пересечениями направляющих. На поверхности были нанесены различительные знаки и мелкие борозды для придания сцепки с поверхностью, по которой он катался, а также для закрепления в трюмах корабля. Издали он выглядел ровным и почти гладким, вблизи же выдавал все свои подвиги и возраст собственными боками. Насмотревшись, двинулись дальше. Вслед своему поработавшему во славу обмена товаров между нациями компаньону, по мере движения выплывали из тумана и другие контейнеры, нагроможденные тут в изрядном количестве. Слева, у пирса стоял небольшой черный корабль, темный и нагоняющий еще большую тьму тению своего острого, длинного носа. Изогнутый корпус лишен иллюминаторов и окон, как было раньше, когда на кораблях служили люди. Корабль был монолитен. Все контейнеры, встреченные недавно путниками, были добыты из его чрева и теперь ожидая загрузки, он покоился.

Прошли и это место, а площадка все не кончалась, тая в тумане позади и выплывая из него спереди. Подвижные сферы остались позади, – их поглотил густой, но мягкий туман и расстояние, на которое путешественники отошли от них. Вот показалась странная штука. Подошли ближе к ней.

Ровная поверхность разгрузочной площадки вдруг вспучилась вверх, и приняв причудливые формы, изогнулась, образовав полукруглый паз, выемкой к открытому морю. Подойдя еще ближе, единственные люди в этом оставленном мире материальных ценностей, почувствовали размеры и подняли головы к небу. На высоте четырех этажей находилась вершина причудливой конструкции.

– Магнитный якорь, – обыденно проговорил Шерлок, зевнув. Его настроение не разделили Хисп и Гутта, долго всматривавшиеся в изуродовавшее поверхность идеально ровной площадки строение. Шерлок сверился с часами, в которых он теперь использовал компас, а не непосредственно указатель времени: в аспекте времени он полагался больше на свои глаза, чем на прибор, обманывающий чувства. Гутта и Хисп любовались исполинскими размерами якоря, обходя его со всех сторон. Тишина и полное бездействие порта отрицательно сказалось на всех, кроме Шерлока. Его беспокойный мозг не мог успокоиться даже во вселенской тишине космоса. Поэтому подозрительная тишина опасного места не могла привести его к абсолютной расслабленности и невнимательности, но заметив такие симптомы у спутников, поспешил их подогнать и напомнить о главном. Не успел он закончить свои речи, что смело можно было записывать в новые яркие примеры риторики, как послышался высокочастотный гул, тихий, но явно слышимый, нарастающий и больно давивший по ушам.

– Все, дождались... – горько произнес Шерлок, удаляясь и увлекая за собой путников. – Бежим, – это свистят двигатели корабля, сейчас он пришвартуется и эти исполины оживут.

Вдруг резко начало темнеть, отчего даже туман стал казаться вовсе непрозрачным. Люди остановились, замерев от такого чуда.

– Что, уже ночь? – вскрикнул по-старинному Хисп.

– Так быстро? – возмутился Гутта невозможностью такого действия. – Шерлок, взгляни на часы...

– Причем здесь часы, – отрезал тот, пытаясь усилием воли убрать из головы зуд издаваемый двигателями приближающегося корабля.

– Не иначе трансокеанский, – в голове аж свистит! – вскрикнул Хисп, думая что его не слышат путники из-за невыносимого писка. Но это было не так, и Гутта, испугавшись, поспешил предупредить его не привлекать внимания шумом.

– Здесь никого нет, – горько ответил Шерлок, держась за голову. – Ни в порту, ни на кораблях. Так что, сколько не кричи – никто не услышит. Те же, кто может «услышать», пользуются отнюдь не ушами! Забыли?

Вдруг все стихло и стали слышны биения сердца и будто голоса раздались где-то там, под черепом. Тем временем, ночь материализовалась и стала надвигаться перевернутым конусом на перепуганных людей. Сначала она показалась высоко вверху, острым носом наплывая прямо на них, затем, покрыв их полностью, она стала приближаться косым ножом гильотины и причалу. Чуть позже показалась и все тело огромного корабля. Черные борта его расширялись кверху, внизу он был тонкой формы. Над широкой палубой, возвышались надстройки без единого окошка. Огромный шар венчал его надстройку. Это был брат портового радара, приведший свой корабль по зову родственника, что располагался на суше. В голове вновь зазвучали призраки голосов: радар порта начал коммуникацию с радаром корабля.

Земля содрогнулась и волна колебаний земли и бетона отдавшая неприятным зудом и чесоткой проникла во все концы человеческих организмов: корабль пришвартовался, пойманный в магнитный захват. Люди стояли в темноте, накрытые рукотворной глыбой, затмившей свет своими размерами. Сдвинутся они не могли, прикованные к величию видения. Первым пришел в чувство тот, кому положено было это сделать – Шерлок, растолкав зазевавшихся друзей, поспешил прочь. Они повиновались и поспешили выйти из-под носа корабля.

– Ближе к краю, ближе, – призывал Шерлок спутников, шагая быстрым шагом по самой кромке причала, где их не могли застигнуть и раздавить послушные работники порта. Тут их глаза начали слезиться, а нос чихать от зловонных испарений припортовых вод, начиненных остатками топлива, промывочными отходами двигателей, и еще одним специальным раствором, которому в народе дали циничное название «Хранитель нации». Этот эликсир погубил окончательно всю прибрежную акваторию и флору с фауной. Впрочем, здесь никого не было и не могло быть, кораблям же все эти диковинные изобретения не могли причинить вреда, а на морских обитателей всем было просто наплевать.

Люди бодро топали, но выйти из-под тени корабля удалось не сразу. В темноте катились бесшумно, двигаясь к цели призраками, круглые самоходные пустые контейнеры, стекаясь со всех концов необъятной площадки, – многое привез корабль и следовало облегчить его; их опасное приближение можно было распознать только по треску грязи и ломающихся разных мелочей под их круглыми тяжелыми телами. Путешественники, бредущие гуськом по краю, задыхающиеся от запахов моря и напуганные образовавшимся тихим хаосом беспорядочного движения, поникли духом. Вверху, в темном тумане, находящемся всецело во власти тени от корабля, брнчали туго натянутые цепи кранов, рвущихся пощекотать, облегчить внутренности корабля-гостя, стрелы их разгоняли клубы облаков тумана, гнали их прочь. А контейнеры все катили и катили, скапливаясь как в живой очереди, сталкиваясь иногда с протяжным металлическим гулом троекратно умножавшемся эхом.

Звуков было немного и то лишь говорили они шепотом эха, перекликаясь в туманной темноте. Было страшно и жутко от такой рассчитанной хладнокровности, безжизненности и тишины, в которой пряталось так много тихих отзвуков и шепота металла. Живые, истинно живые существа всеми доступными им силами стремились покинуть место, куда как показалось, стекался весь порт, и где сосредоточилась необычайная активность механизмов. Они задыхались и тратили много сил.

Когда стало меньше сферических емкостей, по всеобщему согласию решили отойти чуть вглубь площадки, чтобы избавить глаза и дыхательные органы от злобного воздействия жидкости под пирсом, мало напоминавшую морскую воду. Отирая слезы и переводя дух, они вдруг услышали звук, что привел в замешательство юные души. Сначала прозвучал стук, однократный и громкий, как будто что-то громко щелкнуло. Небо над кораблем осветилось и с того места где замерли перепуганные зрители, всю черную громаду стало хорошо видно даже в тумане. За пламенем света последовал не менее громкий трубный сигнал, как зов, больно ударивший по ушам, отчего пришлось их прикрыть. Холодок и дрожь мощного звука вошли внутрь через кожу. Затем все стихло и разгрузка продолжилась. Но пораженные путеше-

стенники еще мгновение пребывали в задумчивости поглядывая на то, куда светил прожектор. Только тут они заметили, что уже действительно стемнело и свет просто необходим был.

Мощные руки кранов доставали круглые как и их собратья в порту, контейнеры отягченные заморскими дарами, облаченные в прямоугольные держатели, в узлах которых прятались более мелкие сферические шкатулки с добром. Но помимо этих шкатулок, там были и ...люди. Их было не много, но по несколько на каждый держатель. Отчаянно хватаясь за ребра и арматуру конструкции, они пытались удержаться на них, не упасть в вязкую жижу возле пирса. Как догадались наблюдатели со стороны, это были нелегальные эмигранты из других стран. Теперь о пути дальше не могло быть и речи – всем захотелось узнать о их судьбе, особенно когда стало ясно что нелегалов обнаружили и прожектор зажжен именно для них. Пар вырывался изо рта Гутты, он смотрел вдаль, иногда посматривая по бокам на своих спутников. Но те сами приковались к зрелищу.

Обнаруженные нарушители тут отправлялись в воду резкими и ловкими движениями кранов, раскруживших поклажу, где и погибали если не от отравленной воды, то от падения с большой высоты, ударяясь о перенапряженную эликсиром поверхность воды, словно о бетон. Самые смелые и отчаянные, гонимые мечтой держались, словно за саму жизнь за арматуру обрамления драгоценных сфер, спрыгивая уже над самой поверхностью порта, ломая ноги и руки, но сохраняя жизнь. Иные, спрыгивая с меньшей высоты, кажется, были рождены в рубашке, и над ними, в их далеких странах при рождении произносились заклинания, уберегавшие от подступов судьбы, – этим везло, и они не полностью погружались в воду, лишь окунаясь по грудь, руками намертво схватившись за выступающие швартовые утесы пирса. Изнывая от испарений, они слезно молились своим чужеродным богам, цепко держа единственную надежду на спасение, чувствуя как тает плоть ног в ядовитой воде.

На эту жуткую борьбу страшно было смотреть даже издали, где путники чувствовали себя в безопасности, стоя в темноте, вдали от внимания бездушных машин и механизмов. А издали все раздавался скрип машин и крики людей на гладиаторской арене порта: и тех что спасались падением, и тех кто, упав в воду, пытался плыть. Но выныривали не все. И совсем редко – кто умудрился сделать два погружения, прежде чем адская смесь начинала действовать. Лишь крики доносились из воды, перемешанные с последним вскриком и хлюпаньем слизистой жидкости.

Сверху же неслась плавная, размеренная речь, повторявшаяся на нескольких языках Содружества, но одинаково гласящая одно и то же:

«Граждане мира, не нарушайте границ установленных законом. Вы будете наказаны в соответствии с уставом, который каждый член Содружества государств-участниц вправе утверждать по своему усмотрению. Если же вы решили идти до конца, – очиститесь, пройдите все круги, начиная от дальнего, грязного!». Под эти звуки, несчастные с криками сбрасывались ловкими кунштюками запрограммированных кранов в воду или на бетон.

Вскоре, последние были сброшены в воду или почти что то же самое – на бетонную площадку, страдая и ожидая бездвижно своей участи. Речь из динамика затихла – сканер порта показал, что в трюмах не осталось нарушителей, рупор, замолкнув, вернул тишину на законное место, сквозь которую лишь неслись крики на непонятном языке раненых нарушителей.

Порядок был восстановлен, краны двигались в небе, разгружая исполина, катились шары – пустые к кораблю, а полные от его безразмерного чрева. И лишь горстка людей выбивалась из общей слаженности и просчитанной работы порта живыми кучками лежа между снующими механизмами.

У Гутты текли слезы, сверкая диамантами в отблесках огней прожектора. Расправа происходила на расстоянии не менее пятисот футов от них, но и вдали она не могла оставить равнодушным никого. Отчаянное сопротивление людей в борьбе за мечту, погнавшую с насижен-

ных мест вдаль, почти на верную смерть и яростная встреча их чужим государством, укрепила в каждом из наблюдавших издали путешественников разнообразные мысли о родине.

Между тем, первым заметил приближающуюся очередную опасность Хисп.

– Собаки! – вскрикнул он, указывая вперед на ярко освещенную часть пирса, где чернел корабль и корчились на бетоне покалеченные. Все устремили взоры туда, еще пристальнее всматриваясь. Вдруг из темноты, выскакивая в луч прожектора, вторгся на большой скорости некий механизм, петляя как пьяный. С завидным неистовством он подлетел к первому нелегалу, распростертому на земле, закрывавшемуся руками от яркого света, не видя что приближается, исполосовав лежащего своей длинной рукой, на конце которой находилось нечто смертоносное, вращающееся с огромной скоростью. Красные куски разлетелись в стороны...

Издали механизм выглядел как длинная, блестящая рука, с множеством локтей и изгибов, пригвожденная к бетону площадки, передвигаясь по ней быстро и резво, хотя и не по прямой линии. Рука изгибалась, искала своих жертв и покрывала большую площадь, будучи подвижной. Коническое основание, на котором примостилась вся конструкция механизма, ездило с поразительной быстротой по всей площадке, так что через мгновение обездвиженные, испуганные, искалеченные нарушители лишились своей мечты, а заодно и страданий от увечных членов, откладывая реализацию планов о лучшем до следующей жизни.

Все произошло настолько быстро, что даже ужаснуться наблюдатели не успели. В это время один из охранников настиг и их. Бесшумно плывя в темноте, он не был виден, лишь когда лезвие прозвенело со свистом, вращаясь с огромными оборотами, над головой, едва не уравнивая старших товарищей с младшими в росте, только тогда стала очевидно подстерегающая опасность.

– Ложись!! – все что успел прокричать Шерлок. Все трое упали, особенно грузно повалился Хисп под действием тяжести рюкзака.

– Бежим!! – вновь вскрикнул Шерлок поднимаясь и поднимая Гутту, когда злобный механизм пошел на второй заход. Хисп поднялся сам, видя как механизм, увлекаемый инерцией и огромной скоростью, разворачивается, чтобы настигнуть беглецов.

– По прямой, прямой! – командовал Шерлок. – Тут слепое пятно. Они долго ищут путь...

Впрочем, страшные механизмы не так долго подыскивали путь к бегущим людям, как того хотелось самим беглецам. Быстро разворачиваясь, они настигали их, прицеливаясь разрезать посередине. И лишь падение оземь, спасало людей от участи тех, кто остался лежать навсегда в свете прожектора. На беду путешественников, та «собака», что расправилась с нелегалами, словно почуяв вкус крови, и управившись со своей работой, присоединилась ко второй, орудовавшей в зловещей темноте. Потом появилась еще одна...

Бегущие выбились из сил, падали и искали силы для продолжения побега. Их подгоняли лязганье и противное шипение привода шестерен механизмов-охранников. Над головами скрежетали ножи и лезвия, проносясь над головой с жаром и ветром, затем удалялись по диагонали к лежащим на холодном бетоне людям, чтобы вновь вернуться почти в тоже мгновение. Положение стало критическим, когда в пылу погони, Шерлок споткнулся и угодил в одну из канав, повредив ногу. И если бы он не вытащил ее, то она была бы раздавлена поспевающим «на помощь» палачом, пролетевшим вихрем у самого носа бедного молодого человека. Благо у самого основания своего эти устройства также имели слепое пятно, куда не могла выгнуться их руки. Друзья поспешили ему на помощь, и взяв под руки, потащили, ожидая своей участи. Они кажется, спинами слышали молниеносное приближение мстителей и охранителей материальных ценностей. Не имея возможности перебежать их в здоровом состоянии, они стали еще более доступной мишенью с тяжелой ношей на руках.

Вот уже зуд бетона под ногами, возбуждаемый шестеренками привода чудовищ, оповещал, что те уже близко, как впереди загорелся ярчайший свет и ударил по глазам и наверно ногам людей, поскольку все трое рухнули как подкошенные и тут же противный скрежет раздался над головами, уносясь вдаль.

Раздались оглушительные звуки, периодически сотрясавшие воздух и давившие на мозг через уши, они то прекращались, то вновь возобновлялись, приближаясь и удаляясь, перемежаясь со вспышками. Но главное что мерзкого скрежета не было больше слышно и дрожания земли тоже. Через некоторое время все стихло, а в ушах у людей стоял звон, лязг, а перед глазами пролетали страшные мгновения. Все пошло не так как планировалось, и это удручало. Трое молодых людей лежали, ожидая дальнейших событий. Лежать бесконечно нельзя было, вручая себя и свою мечту в руки капризной фортуны, поэтому первым поднял голову, отважившись, Хисп. Он огляделся и толкнул рядом лежащих спутников.

Шерлок и Гутта приподнялись, вертя головами, ища преследователей, удивляясь воцарившейся опять тишине. Остатки происшествия громopodobными отзвуками стояли в ушах и мерцанием света, искрами лезвий в глазах. Теперь же все стемнело, – наступил мрак и погас прожектор вдалеке. Лишь несколько огоньков беспорядочно метались на месте расправы с нелегалами.

– Что вообще произошло? – первым на смелился открыть рот, заткнув тишину за пояс Гутта. Глаза привыкшие к темноте, стали различать силуэты выведенных из строя страшных механизмов, что стояли недалеко, нестройным рядом, застыв в дивных позах, жалобно вытянув свои сеющие лишь смерть руки. Взгляды Хиспа и Шерлока были прикованы именно к ним, а вовсе не к огонькам, брезжащим вдалеке.

– Мне неизвестно, что произошло, – поведал Шерлок, – но то, что мы остались целы, это чудо! Надеюсь эти... мертвы. То есть сломаны?

Тем временем, огни вдали погасли, кроме двух ярких, приближавшихся с шумом к друзьям, все еще стоявшим в растерянности в темноте, видя как к ним приближается очередная диковинка. Ответ не заставил себя долго ждать. С противным шумом и дребезгом подкатилась старая колымага, чудом находившаяся на ходу, в кузове которых сидело несколько человек. Водителя же за рулем из-за темноты почти не было видно. Включив фонарь, освещавший кузов, человек сидевший там, обратился к путешественникам, ибо ни к кому другому здесь обратиться нельзя было.

– Вот так номер! Воплощение старинной поговорки. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Давайте руку! – грубый голос бубнил с акцентом и неприятным смешком. Из пучка света протянулась рука, что обладая нечеловеческой силой, втянула одного за другим всех оторопевших молодых людей в кузов.

Колымага, завелась, горча как все жернова ветряных мельниц нижней части Метрополиса, на которых сминались потоки ветра, и покатила по ровной площадке порта.

Шерлок присев на грязный, липкий пол пикапа, посмотрел назад. Едва различимые в темноте очертания корабля и суетящиеся вокруг него механизмы тонули в темноте, теряя последние черты. Как только они совсем исчезли, нетерпеливый спаситель начал знакомство. Открыв свою пасть, откуда донесся уже ставший невыносимым трубный голос человека.

– Что приуныли? Вы же гении – радоваться надо!

В ответной тишине спряталось многое. Решив не останавливаться, видя что спасенные молчат скорее от страха, чем от гордости, мужчина распутывал все сам.

– Кто надумил что от этих чертей нужно ложиться, но только в самый последний момент?

– Каких чертей? О чем вы говорите? – промямлил тихо Хисп. Звук его изломанного голоса сожрал шум от колымаги, со скрипом и лязгом везущей людей в неизвестном направлении. Но главное что вдалеке от города.

– Какие манеры! – прохрипел заводила, обращившись к своим напарникам, находившемся тут же. Они стали заметны, когда он включил фонарик, осветивший всю заднюю часть автомобиля. Оказалось, что тут еще двое таких же оборванцев. И еще несколько... тех несчаст-

ных, коим чудом удалось уйти от преследующих механизмов, ожидая спасения и растворяясь в кислоте воды. – Не иначе из городов!

Говорящий расхохотался, вслед ему поддержал почин и его товарищ, держащийся за железо, чтобы не быть вытряхнутым из багажника, поскольку площадка порта закончилась, и началась пересеченная местность. Развалюха так подскакивала на ухабах, что впору было ей развалиться и погresti под собой всех пассажиров. Особенно неловко и больно было тем беднягам, коих достали наполовину погруженных в неприветливые воды новой родины. Половина тела у них оказалась обожжена. И они, можно было поручиться, думали сейчас не о новой жизни, а о том, чтобы быстрее умереть без мучений. С ними возился третий человек, присев на корточки, срезая лохмотья одеяний, наложенных одно на другое, словно это могло уберечь от кислоты. Больные охали, закрыв глаза, стонали, «врач» помогал им, чем мог. А друзья, глядя на все это, подкатывали глаза от омерзения, внимая противному запаху кислоты и таящей человеческой плоти.

– Все меньше и меньше улов, – жаловался импровизированный врач, стараясь перекрыть звуки транспорта, – скоро все наше добро будет тонуть.

Громоздкий и большой главарь, с дивным голосом, говорил так, будто сам побывал на Касторе и Поллуксе, прилетев с попутным ветром истории в будущее. Даже всезнающий Шерлок через слово его понимал. Но сила голоса его была такова, что смысл все же долетал до адресатов, не пониманием, так силой. Когда зажгли свет, Шерлок рассмотрел этого явного лидера шайки контрабандистов. Именно их, поскольку только они брались перевозить нелегалов.

Высокий, смуглый, не то от темноты, не то от природы, с огромными лапищами, толстыми пальцами, одетый в разночинный хлам, изорванную пухлую куртку, без головного убора, предоставляя всем на обозрение свои грязные волосы, торчащие как попало. Крупный нос и губы, щетина, рисовали самого грубого человека на планете. Хитрые маленькие глазки блестели из своих ям-впадин на мир приветливо и даже живо.

– Так кто вас надоумил, дорогие мои? – принялся снова за допрос верзила, присматриваясь к попавшему к нему целому улову. Калеки все меньше его интересовали. А он был ценителем, и сквозь грязь и плотные одежды, умел рассмотреть ценный товар.

– Никто... Вообще не понимаю о чем речь? – отозвался Шерлок, пряча глаза и некоторые слова. Не выдавая свое образование.

– О том, что эти злющие железяки на самом деле тупы как простое старинное дерево, не больше. Старая версия... После того как мы уничтожили последние, думаю сделают новых, более совершенных убийц без изъянов. Это реально! Так что даже не знаю, пользу ли мы сделали? Ведь к старым—то мы уже притерлись. Впрочем, и от *этих* большинство немели и не могли пошевелиться, отчего их вдруг становилось... двое! Но только не вы... Гм, странно, – пояснил через слово понятные вещи «врач». Ему помог главарь:

– Извините его, друзья мои. Он хотел сказать, что обладая отнюдь не человеческим мозгом, а набором микросхем, эти верзилы, Бриареи порта, не могут совладать хоть с каким-либо малюсеньким проявлением интеллекта. Видите ли, они целят точно посерединке своей жертвы, ну чтобы наверняка. Отрезать ступню, или руку – это хорошо, но придется возвращаться, так как жертва еще копошится, а они ленивы, – не желают тратить такую драгоценную электроэнергию или чем они там питаются и пр. Целить в голову – велик шанс промахнуться, а в середку – самый раз. Поэтому падать прямо перед ними – самое разумное решение. Вообще, это самый лучший способ, какой я видел. Но видел я его лишь раз. Сегодня! Поэтому, благодарите Бога, кто верует, что не послал этим несмышленным тварям и их создателям, ту крупицу разума, что есть у нас, людей. Ибо тогда бы они резали разнообразнее: наискосок, над землей, под землей, по вертикали, в два ножа и т.д.! Уж я бы придумал... Ну да не об этом... Как правильно заме-

тил коллеги, – осталось дело за временем – скоро увидим новые версии, и уж разработчики, уверен, постараются!

– Никто нас не учил, кроме страха! – вдруг вставил Шерлок. Верзила оживился:

– О! Это самый лучший учитель! Ой! Извините еще раз, мои друзья, мое невежество, – ведь мы не познакомились. Я – Малик, вот это, врачующий тела и души – Морф, а этот славный, держащий в руках грязную трубу, чтобы судьба удержала его – Тэдди. Точнее Эдди, но у него есть красивый старинный обоюдоострый топор, напоминающий букву «т». Поэтому он счел вполне подходящим присовокупить таковую букву к своему когномену...

Шерлок усмехнулся, но про себя, – такой софистической эклектики он еще не слышал, но страх за себя и предприятие не позволил выпустить вовне хоть что-то презрительное. Нет, он, конечно, готов был умереть, но только не в лагере бандитов. Это, по крайней мере, безнравственно.

– Вы убили их? – с надеждой, все еще трепеща от страха, спросил Гутта. Без пояснения бандит, представившийся Маликом, понял его. Сам же Гутта и теперь боялся роботов больше чем людей. Возраст не мог подсказать ему, что нужно бояться живых хищников, а не бездушных, режущих по приказанию, а вовсе не потому что зовет преступная судьба.

– Еще как! – усмехнулся человек, возящийся с нелегалами, откликавшийся на кличку Морф.

– Да, последних добил... добились! – подтвердил Малик, хватаясь за рукоять старинного пулемета, прибитого к полу пикапа. – Пришлось почти весь боеприпас израсходовать.

– Их что было больше? – изумился и Хисп. Все тот же тип ухмыльнулся и засучив рукав правой руки, не без гордости показал засечки в виде шрамов от порезов, глубоких и беспощадных, простиравшихся, уродуя руку от кисти до сгиба локтя. Некогда было подсчитывать в темноте и свалке, но было таких толстых засечек довольно много. Его рука и так была страшна, – толстая, в рыжих волосах, жилистая, со вспухшими венами, грязная и бугристая. И дополнительные украшения ей вовсе были не к лицу.

– Столько было!? – ужаснулся Гутта. – Как можно... как можно было пройти через порт...

– Никак! – отрезал старший, усмехаясь, восхваляясь перед детьми. – Вот мы и объявили им войну, как честные люди.

Сообщник главного, возящийся у раненных, злобно усмехнулся.

Бандит же продолжал:

– ...но меня прервали, продолжу – чудное путешествие нам обеспечивает наш водитель – Микс, названный так его бывшим хозяином, человеком прозорливым и достойного разума, умеющим примечать все подробности других людей. А именно – увидев в мальчишке такое собрание плохих качеств, он затер его имя и придумал кличку – Микс, что означает сочетание всех пороков – злобы, жадности, вспыльчивости и такого несносного обжорства, что ей-же-ей, мы только на его брюхо и работаем! А сегодня почти весь улов потонул, или был разделен на жирные куски, которые, клянусь, не будут даны к нашему столу. Но стоп! Теперь ваша очередь. Признание или честь?!

– Мы потерялись, – начал Шерлок, пока друзья не лягнули по своему неразумию лишнего. – Я – Тим, и мои друзья: Марк и Стивен.

– Дивные имена... – просипел «врач» Морф, сбрасывая за борт преставившегося нелегала. Сняв перчатки, которые надевал, чтобы не обжечься о зараженные химией участки, струнул руки и сел на место несчастного, предварительно все вытерев насухо. Двое других пострадавших, забылись, уткнувшись друг в друга.

– Действительно дивные, – призадумался Малик, подмигивая огоньками глаз. – Вас будут искать?

– Вряд ли! – выпалил Шерлок, надеясь что не подумают о выкупе от страждущих родителей, но вспомнив про невольничий рынок, куда он практически всех продал безнаказанно своим необдуманным ответом, добавил. – Точнее будут, но по инерции, вяло... Полиция, в конце концов!

Дорога пошла ровнее, и эмоции прятать стало сложнее. Когда тебя не бросает из стороны в сторону, все выходит наружу. А главарь все смотрел, особенно на Гутту. Шерлоку стало не по себе, он затаился и кажется, многое понял. Оглянулся назад. Скорость движения была небольшой – поэтому совсем недалеко отъехали. На фоне звездного неба еще виднелся высоченный радар порта. Сквозь ядовитые выхлопы средства передвижения, стали пробиваться странные запахи, сочные, терпкие, непривычные.

– Хорошо... – призадумался Малик, переглянувшись с Морфом. – Только вот непонятно, кто из вас Марк, а кто Стивен?

– Вот он Марк, – Шерлок вновь поспешил, пока не вышло путаницы, указывая на Гутту, а это, соответственно...

– Стивен, – рассмеялся Малик. – Я догадался.

Поспешность Шерлока выдавала его еще больше чем возможная путаница друзей, но другого пути он не придумал. Приходилось ориентироваться по ситуации. Хорошо, что друзья молчали, принимая правила игры. Приехали в крошечное селение, наподобие древней обозной стоянки, – так бандиты называли свое укрытие под открытым небом. Тут стояла еще одна колымага, бездвижная, служащая домом, да шатались без дела такие же оборванцы в количестве трех человек. Но их, словно забыв о своей учтивости, Малик не представил. Оставшиеся в селении с необычайным удивлением обозрели новичков, позабыв о покалеченных. Надежда воссияла в их глазах и они перекинулись взглядами с главарем. Тот, думая, как и Шерлок, что провел молодежь, ответил им неявным кивком и согласием.

Чуть поодаль горел костер, куда всех «новеньких» и усадили греться. Пришлось греться даже утепленным друзьям, но чтобы не показывать свою подготовку и пожитки, они держали их при себе, не давая понять что им совсем не холодно. Пока бандиты были снисходительны и не обыскивали прибывших. Гутта же грелся с удовольствием, к тому же еще и моральным – в городских дебрях и трущобах открытого огня не сыскать. Он запрещен из-за опасности возгорания.

Пылая по лицу теплом, горел костер, разбрызгивая слюни искр поедая дрова из соседнего леска, изрядно поредевшего вследствие близости человеческих хищников, коим нужно тепло и уют. Сзади же ледяным дыханием звездного бездонья охлажденная, подкрадывалась тьма. Блики гуляли по лицам разночинных людей, собравшихся у костра. Неясный запах, впервые почувствованный еще в кузове автомобиля, стал проявляться все отчетливее, как только рецепторы обоняния перенастроились на его восприятие, много лет вкушая лишь запахи городов, где отсутствие всяких запахов уже есть достижение. Туман исчез или рассеялся. Детали, даже находящиеся вдали предметов ударили в глаза.

Запах все пробивался, дурманил и сводил с ума. Шерлоку показалось, что так пахнет сама свежесть, чистый воздух, без примеси тумана и испарений теплоносителей, коими устлано все днище города. Не по опыту, а только умом он догадался, что это пахнут травы, деревья и прочие живые растения, потревоженные людскими ногами и пилами. К одурманивающему запаху примешивались и иные, менее приятные, но такие природные обонятельные палитры. С треском и шипением костер извергал запахи, источала их и изрытая под ногами влажная земля, даже то варево, что кипело над костром, и то приятно пахло, несмотря на то, что отвратительно выглядело.

И небо, огромное выгнувшееся небо над головой, укрытое звездами, много дальними чем рукотворные Кастор и Поллукс, сверкнувшие и исчезающие быстро. Здесь, вдали от города,

где мало света, небо было особенно богато алмазами, переливающимися, мигающими, сверкающими в тишине. Как тяжело было пробраться к рукотворным, не говоря уже о тех, дальних!

«Совсем немного пути, а уже столько приключений! Вот будет потеха, если *основное* приключение покажется скучным по сравнению со всем этим!» – подумал Шерлок, как его перебил своим голосом Малик, что наевшись до сыта, оставил часть и нелегалам, пока не подошел Микс. Но тем сейчас мало хотелось есть. И они похлебав, снова обнялись и молчали. Гутта посматривал на них с сожалением. Его отсадили от Хиспа и Шерлока подальше, как бы невзначай, поближе к главарю этой шайки, почти напротив друзей. Так что они общались со своим недавним компаньоном кивками.

– Ну, так что в мешочках прячете, отважные путешественники? – проговорил сальным, наевшимся голосом Малик. – Сами расскажете, или устроим обыск?

Друзья пришли в замешательство. Малик подобрел, довольный шуткой.

– Шучу, шучу. Не таков я. Хотел бы – уже давно все знал... Но в жизни всегда лучше с тайной! Мое мнение. Время все вскроет... Эх, время, время. Что с тобой сделали?

– Не пугайтесь, он всегда так разговаривает, – пояснил по-деловому соседний с Шерлоком бандит, которого так и забыли представить. Он обгладывал какую-то кость, и чавкая разговаривал. – Мы ограб... то есть позаимствовали у каравана некоторое количество книг, что везли в утиль, после того как их... забыл как это...

– Отсканировали для библиотеки, – помог Шерлок. Он знал об этой неслыханной дерзости, когда выбрав все до ниточки, материальные носители решили выбросить. И хотя он никогда в своей жизни не видел книгу, учась по видеурокам, очень уважал это изобретение древних, мечтая однажды потрогать книгу, понюхать ее.

– Да, точно... То есть сделали общедоступными, а сами их... с горки в печь. Мы же, понадеялись на немалую уплату от благостных людей, вознаграждение так сказать, за спасение редких книжек, да не тут-то было! В общем, все они нам ценным грузом и достались. Так как читать только Малик умеет, то и поднахватался кое-чего оттуда... Всю голову разнесло! Несет такое, что не поймешь!

– Молчи, идиот, – пригрозил Малик, но без злобы, улыбаясь. – На самом деле, с книгами действительно презабавная произошла история! Ведь мы в самом деле спасли их от уничтожения... и предложили людям в городах! А они в ответ – содержание важнее формы, и так как содержание мы и без того получим, причем бесплатно, отказались. Вот невежды! Я бы преподал им урок философии (у Шерлока округлялись глаза, когда он слышал такие светлые слова из такого грязного рта), ей-ей, как отстегал бы их по форме, взглянув при этом на плачущее от боли содержание. Уж они бы изменили свои взгляды!

Тут он изменил тон, поскольку становился темнее ночи для своих соплеменников, теряя авторитет и уважение. Вдруг к нему подбежала собачонка, плюгавенькая, пегая и плешивая, питающаяся еще меньшим, чем ее коллективные хозяева. Но и такого клубка грязи и шерсти, хватило, чтобы привести в дикий восторг Гутту. Возможно для этого и позвал зверушку Малик, чтобы еще больше сблизиться с этим малолетним человеком. Шерлок скептически заметил Гутте, что не следовало бы ему прикасаться к *этому*, поскольку руки мыть негде. На что Малик лишь усмехнулся, а Гутта принялся играть с животным, кои так редки в городах.

– Эта собака гораздо приятнее тех... – рассмеялся Гутта, глядя боязливо ласкающееся существо.

– Как посмотреть! – подзадорил Морф. – Если поблизости лакомый кусочек, то я не стал бы его гладить. И вправду, может *те* тоже голодны?

Он шутил, хотя по его лицу нельзя было сказать точно. Синюшное, отечное, оно покрылось щетиной, сажей и морщинами, что вкуче скрывало его истинное обличье. Продолжилось вялое болтание языками, но Шерлок не слушал, он сочинял план побега, поскольку маячащая

вдалеке в небе мачта их цели, у которой то и дело загорались искры Кастора, манила и звала. И останавливаться надолго в этой дыре он не хотел.

Услужливым тоном и уговорами, бандиты склонили путешественников почувствовать себя как дома, отпуская на мгновение заботы и тревоги, сняв заодно и груз с плеч. Подняв на руки их рюкзаки, они удивились их тяжести. Но пока не заглядывали внутрь, сложив неподалеку. Это еще больше огорчило Шерлока. Теперь ему приходилось думать не только про Хиспа, но и про Гутту, который, как будто нарочно, подсел к Малику, и про вещи, и вообще обо всем на свете. К тому же ушибленная нога ныла и стеноя, призывала на помощь.

Глава V У подножия Вселенной

Где говорится о том, какие велись разговоры у развязывающего языка костра, горящего под решетом неба, что хотели бандиты, как удалось обмануть их и о приближении мечты

Темнота катилась решетом звезд по небу, закручивая круговорот созвездий, увлекая узоры их за собой, за край земли, где они станут невидимы очень скоро. Небо, впервые за всю жизнь Шерлока так безнаказанно открытое для наблюдения, без обволакивающего тумана, без острых шпилей города, без дымки испарений и петли Дьябло, шумящей хуже самых оживленных магистралей, привлекало взгляды и дарило мысли. Здесь, когда по сторонам были лишь валуны и холмы, земляные рвы и больше ничего, когда со всех сторон не нависали наклонными вертикалями многоэтажки, как воплощения достижений ученых, казалось, что люди сидели на вершине холма или горы, упершись в купол неба, с мириадами звезд. Они были как живые, их можно было коснуться рукой, пощупать и взять понравившуюся, завернув в платочек, чтобы когда понадобится, осветить ею путь в самом темном переулке Метрополиса.

Несмотря на то, что по часам был вечер, Шерлок называл про себя наступившую пору ночью. Звездное небо выглядело солидарным с его светлой душой. И неважно, что там показывали таблицы времен, естество и ощущения, особенно такого ученого молодого человека брало свое. Вот появились сомнения в правильности выбранного Содружеством пути, и распалило давний костер мыслей. А вот уже показалась досада оттого, что ничего не изменить, раскаяние в содеянном, жалость к родителям, мысли прощения перед друзьями, старыми и новыми, за возможные плохие последствия для них. Много еще чего влетало Шерлоку в голову тем невеселым вечером у костра на природе, не поддававшейся как Гутта таким простым романтическим штучкам. Он сидел уже подле главара и премило с ним беседовал, причем закоренелый по виду и состоянию преступник вовсе не пасовал перед ним, состязаясь в количестве слов, отданных на сожжение костру.

Шерлок потер ногу, ушибленную в порту. Какое же все-таки диво современная наука: стоило только пожаловаться на ушиб, как Малик велел достать редкое даже в городе зелье, приготовленное в подземельях лабораторий Евгеники. В частности это, красноватое и мутное, противное на вкус, предназначалось для почти мгновенного заживления ран. Мученики-нелегалы и Шерлок разделили это снадобье между собой. И так как рана Шерлока была менее значительна, то уже через некоторое время боль пошла на спад. Нелегалы же, почувствовав себя много лучше, приободрились и открыв глаза, поели. За ними ухаживал Морф и еще один неизвестный бандит, что не мог связать двух слов.

У костра остались Шерлок с Хиспом, прижавшись поближе друг к другу, чтобы переговариваться, пусть даже жестами, Тэдди, распластавшийся на правом боку, повернув свои грязные ноги прямо под нос друзьям, Малик и его новый друг Гутта. От упоения и счастья, которого не испытывал в городе, в тесных объятиях бетонных стен и родителей, он позабыл об угоре и осторожности, беседовал с добрым великаном, при этом не отзываясь ни на Марка, ни на Стивена. И сколько ему не сигналили друзья, он не обращал внимания.

Необходим был план, ибо обман почти сам вскрылся, так же, как и их вещмешки, в которых копошились негодяи, подбирая себе кому что приглянулось. Путешественников спасало лишь то, что не желая делиться с главарем, они скрыли свои проказы. Ночь таяла, а Шерлок все никак не мог придумать ничего. Стало клонить в сон. Происшествия и переживания сказывались на юном организме. У него только была его голова, часы, и конечно же бутылка спирта с заживляющим бальзамом, взятая на всякий случай. Ее-то он и решил всучить Тэдди, в обмен на освобождение. Или вовсе спойть. Но нужно было отвлечь Малика, или чтобы он отправился

по своим делам, делам человеческим. Но он, словно бог, много вместив пищи, еще больше жидкости, сидел как вкопанный и никуда не собирался.

– А откуда у вас это снадобье, что заживляет раны? Оно ведь целое состояние стоит! – спросил доверительно Гутта у Малика. Тот с превеликой охотой ответил:

– Иногда бывает так, что в малоценных местах скрываются удивительные вещи! Посмотри на людей – мусор мусором, а какой дар внутри? Так и здесь... Помогать ближнему, это святое.

Хисп презрительно улыбнулся. В тени полу погасшего костра выходка осталась незамеченной. Костер догорал, поедая дрова бережливо, экономя, так как необходимость в нем людей отпала и он стал украшением без цели.

– Значит, у вас есть деньги? Чем вы занимаетесь?

– Я и мои единомышленники профессионально вредим государству, умышленно, заметьте, – без заминки выпалил пьяным голосом Малик, – получая за это скромную мзду.

– Вы берете деньги? – изумился по-детски Гутта.

– Деньги мне ни к чему! – приосанился Малик, все поглядывая на него. – Я в супермаркет не хожу – меня туда не пускают. Все необходимое – у меня под рукой, матушка природа позаботилась. К тому же так приятнее... для души. А этих бедняг, я почти за даром отправляю в такое заботливые и желанные ими руки Метрополиса. Там уж как Бог пошлет!

– Лучше бы спросил, до или после он вознаграждение берет! – рассмеялся Морф ежась у костра. Малик жестко посмотрел в ту сторону, наклоняясь вперед, чтобы лучше видеть. Шутник умолк.

– Деньги мне ни к чему, – повторил басом Малик, – я получаю лучшую из наград – благодарность. И пусть эти несчастные, порой не знают ни слова на нашем языке – вижу преданность и молчаливую усладу в их взоре... А это дорогого стоит! К тому же, мне так жалко их: ведь не знают бедняги, куда лезут! Я нарочно ускакал из города, а они лезут через все туда.

– В городе есть свои плюсы, – поведал Гутта. Но бандит и тут не согласился.

Разграбление вещей путешественников продолжалось. Когда многое было уже утащено из рюкзаков друзей, надежда кажется, совсем погасла. Но свет ее, слабый и немощный, забрезжил вместе с юной зарей. Малик, пошатываясь, поднялся, и удаляясь держал взглядом издалека друзей и особенно Гутту. Но понадеявшись на Тэдди, скрылся из виду в полутьме.

Настало время действовать. Шерлок, как бы невзначай, предложил выпить Тэдди, ежившемуся у потухшего костра, когда все бандиты отошли от костра подальше. От холода ему не спалось, а зубы стучали. С подозрением и удивлением он встретил предложение, но поднялся и посмотрел на бутылку. Увидев, что это спирт, он воспрял, но тут же загрустил. Ему положено было охранять пленников, а не пить. Но желание взяло верх, и он согласился.

– Пьете черт знает что, – по-дружески проговорил Хисп, поглядывая на то место, куда скрылся Малик, – в рот не возьмешь! Вот это попробуй, – чистейшее лекарство... Думаю, изнутри оно действует не хуже чем снаружи.

– Э-э, ребята, – сказал довольно Тэдди, захлебываясь слюной. – Вы еще всего не знаете, что мы тут пьем и едим... Давай!

Он принял бутылку, и оглянувшись за автобус, сделал пару глотков. Его перекосило.

– Осторожней, не родниковая ведь вода! – прикрикнул Шерлок. – Сейчас Малик вернется, и тебе и нам взбучка... Быстрее!

Тэдди поспешил. Гутта с удивлением и почти с недоверием смотрел не происходящее. Хисп сделал пальцем ему «тихо!», и позвал сесть рядом, тот повиновался. Малик вернулся, когда бутылка была больше чем наполовину пуста. Охранник спрятал ее под куртку, несмотря на ложные знаки Шерлока: «отдай!». Малик удостоверился что нелегалы спят измороженные болью и усталостью, продолжил свою игру. Он возвратился свежим и показалось, что следующего его ухода можно не дожидаться никогда. Он разглагольствовал о разном, иногда выражаясь

совсем темно, непонятно, иногда по-своему, на арго, в тех случаях, когда цивилизный словарь не мог дать ему необходимое слово, ярко и живо наполняющее ту или иную фразу.

– Добрый ты человек, – признался Гутта, прижимаясь к Хиспу. Малик спросил его, почему он пересел. Тот абсолютно взросло ответил: «чтобы погреться. К тебе-то не прислонишься!». Ответ удовлетворил главаря, но он стал бдительнее. Тэдди лежал, помалкивал, скрывая свой угар и остаток праздника под полой куртки.

– Да я добрый, слишком добрый. Я бы сказал непозволительно добрый! Для моей профессии... но как все добрые, я прячу злое под кожей, глубоко. Ведь оно есть, даже не сомневайся, у каждого. И мне обидеть человека, любого, что... а обиды, они ведь разные бывают!

– Никогда не хотел вернуться в город? – продолжил расспрос Гутта, как ни тянул его за рукав Шерлок. Малик подумал, но ответ кажется прозвучал в его глубоко посаженных глазах почти сразу:

– Нет, никогда.

– Но там красиво. В иных местах...

– А здесь везде! – упорствовал пьяным настроением Малик. – Откуда лучше видно этот ваш город? Из него самого? Чушь! Из-за пределов его, как, в принципе, и все остальное... Вот!

Он указал рукой за спины друзьям, чуть правее назад. Все трое обернулись и замерли. Завозившись, они и не оглядывались ни разу. И теперь такой сюрприз ждал их позади. Над невысокими холмами вдали, и чуть более высокими деревьями виднелся он, Метрополис Лондона, протыкая насквозь небо шпильями полуторамильного Анкора Тауэр и мыльного Ризорт Бэй. Они плавали в высоте, наслаждаясь полетом. И даже туман, что окутывал более низкие строения был им нипочем. Чуть ниже сгустился целый лес других светящихся офисных и жилых исполинов, заполонивших собой весь видимый горизонт в направлении взгляда, перемежаясь, скрещиваясь, подмигивая красными огнями на крышах пролетающим летательным аппаратам, пугая острыми шпилями. Они наседали друг на друга, душили, клонились, превозмогая своими перегретыми треугольными сочленениями гравитацию и законы разума, удерживали взаперти миллионы людей, нагружаясь и опустошаясь каждый день. Окна сливались в галактики звезд, но только не мерцающих, – новые типы светильников не мерцают даже на расстоянии. Мириады этажей рвались в небо, где уже поджидали петли Дьяболо, нависшего радугой над Метрополисом. Две опоры моста выделялись темными линиями, скупно освещенными. Но это были лишь опоры, им положено быть рабами, служить, а не разряжаться. На мосту неслись длинным потоком баржи и пассажирские составы, сворачивая на многочисленные съезды и тут же падая в пропасть ко дну города. Пролеты больше были похожи на новогоднее дерево, что раньше входило в ритуал старого времени, чем на техническое сооружение.

У подножия города восседал помехой счастливой жизни для бедных бесконечный туман смога, с каждым днем все усиливаясь и разрастаясь, густея чуть ли не от злобы и беспомощных жалоб несчастных задыхающихся людей. С его обжорством он добрался бы и до верха, но не мог. Вблизи смог был почти не виден, но стоило отойти в сторону становилось очевидным в каком угаре люди живут. Слишком большая высота была взята гением ученых и деньгами тех, на кого они работали, отчего люди, живущие едва не в небе мало интересовались новым созданным явлением, глядя вниз, на беснующихся у подножия стеклянных монстров муравьев. Впрочем, от этих трудяг зависело и их будущее, их благополучие и сытый сон. Поэтому вовсе не обращать внимания на жалких, мелких, слившихся до шевелящихся в полутьме и тумане комков, конечно нельзя было. Их дыхание означало еще больший туман над разумом и власть над телом и приносимым ими доходом. Там в недостроенном задымленном и глубоком как колодец раю, низкие люди жили, размножались, лишь иногда поглядывая вверх. Но не на небо, как некогда, а лишь на светящиеся огромные, но издали видимые яркими точками, пентахаусы других людей. Может быть они даже радовались жизни. Ведь жизнь еще не удалось забрать, как ни крути, а уголовный кодекс называл непрестанно такие попытки по-своему,

упрямо и гордо, преступлением. Но и он был всего лишь порождением людей, продолжением их представлений, в чьих руках была мода на перемены, вольных решать, кого и как Кодексу карать.

Пришедшие внезапно мысли от увиденного в захлавленную голову Шерлока, развеял Малик, выждав пока прокатится первая волна удивления, смывая всю напускную серьезность и прочий грим с лиц детей.

– Помните, так и в жизни – то, на что вы смотрите незначительно, а позади жизнь проходит! Жизнь любит поиграть в маскарад и прятки...

Шерлок снова поморщился от доморощенной, политой чужой кровью, риторике смерда, наглого и жестокого бандита. Он сидел и не двигался, как будто вовсе не человек, а машина. Светлело, а Малик все сидел, раздражая всем своим видом разозленного подростка, ломая тому все планы.

«Черт, такой долгий путь, а город все еще виден!» – злобно думал Шерлок, не пропуская как контрафакт изречения бандита внутрь, назло ему, в противоположность, обретая самостоятельность. Еще больше раздражался, видя как друзья, старые, проверенные, и новые ветреные в силу возраста, слушают морочащего им голову мерзавца. Его они никогда не слушали так внимательно, даже Хисп, а ведь он гораздо приятнее и правильнее говорил! Дураки, идиоты! Руки молодого ученого тряслись, хотелось бросить все и выйдя на свет из палатки, куда он в интересах общего дела спрятался, зная как не любят везде, не только за городом ученых и зазнаек, вызвать на бой, словесный конечно, и разбить в пух и прах этого умственного силача, что путает неологизм и силлогизм, невинность и невиновность!

А солнце, не принимая во внимание новое исчисление времени, всякий раз как наступала «ночь», имело дурную привычку всходить, даря всем желающим бесплатно образы и силуэты окружающего мира, мешая сну. Так было уже очень давно, еще до рождения его, Шерлока. И это обстоятельство тоже бесило: никто не видит дальше своего носа, не смотрит за спину, не поднимает глаз, а уж как легко можно обвести вокруг пальца двумя софизмами!

В общем, Шерлок распалился, так как он мог, и что с ним бывало частенько, когда что-то не получалось. И не был бы он в положении невольника, не столько за себя отвечающего, сколь за товарищей, что вручили ему свои жизни, то надавал бы и им тумачков, а также дрыхнущему у костра Тэдди, скрутившемуся калачиком, посапывая, который вместо благодарности в виде какой-либо полезной услуги, заснул.

Наконец, устав терпеть, он выпалил без утайки, не заботясь о последствиях, дерзко и со скрытой насмешкой:

– И где же ваши книги, хотелось бы на такую диковинку посмотреть?

Малик пришел в замешательство, а Хисп и Гутта переглянулись.

– Видите ли, уважаемый, не все можно спрашивать вот так быстро и с наскока! – осадил всадника Малик. – Я же уже несколько часов не спрашиваю, хотя мог бы, кто вы и откуда, а главное куда бредете! Но ой как хочется...

– Он сказал часов? – тихо прошептал Гутта, обращаясь к Хиспу. Тот тоже заметил, но промолчал.

– Стопили мы их... И все! Только один вред от них. Столько пыли, что открыв, не переставал чихать! – признался Морф, подсев к совсем погасшему костру. Заря занималась, а Шерлок вздохнул. – Словно в них сам дьявол городской вселился и заставлял отринуть их. Легко переносу всяческую грязь, а книжную пыль – ни-ни! Это я говорю, потому что пробовал читать вслед за Маликом. Благо добра такого хватало и согреться и душу посмешить. Но не все книжечки были душевные! То есть для меня их вовсе не было... Ха, но для нашего любителя призадуматься, надо сказать, тоже не все за душу дергали. Бывало, читает, читает, – и бах ее в костер. Это когда ни черта не понимает... А бывало такое, ха-ха, не редко!

Его прервал властным жестом Малик, сделав петлю у шеи, заставив умолкнуть.

– Помолчи, – у меня гораздо важнее дела есть, чтобы слушать твой бред, – и обратившись к малолетним пленникам, особенно не спуская глаз с Гутты, добавил другим тоном, – такое нелепое пояснение требует широкого толкования, чтобы вы не разуверовали в человечестве вообще. Иными словами устав от города, мы не нашли бы прибежища и за ним! Но это не так, уверяю вас! Мы не скитальцы, наш путь выбран, – вот, – он поднял рукав показал некий предмет, на ремне, круглый с циферблатом. Это были простенькие часы из прошлого. – Вот наш символ и наш бог. Его мы и держимся...

– Наш бог сломался, – вставил и тут Морф, скребя по дну пустого казанка со съеденной омерзительной пищей. – Часики-то стоят! Может потому нам в последнее время и не везет?

Под маской шутилой гримасы, он выставлял напоказ перед поделщиками вопрос о недоверии начальству. Но никто пока не решался присоединиться к оппозиции.

– Не стоят, а не ходят! – поправил серьезно Малик. Он вдруг стал серьезным. Подходило утро по его часам и представлению, и он кажется, размышлял, что делать с неожиданными пленниками, так как пришло время отвозить оставшихся в живых нелегалов к месту назначения. Боролся сам с собой.

– Такие простые, – восхитился Гутта. – Теперешние таблицы я никак не могу выучить...

– Никто не может, – поддержал его взрослый. – А тот, кто будто бы смог – лишь делает умную мину, лукавая. Как впрочем, всегда в человеческом обществе... И раньше было, и впредь будет.

Малик говорил еще что-то, но Шерлок уже не слушал его, понимая что план не работает, и развязав язык этого негодяя, он лишь помешал себе. Между тем, свет отвоевал себе еще немного пространства между холмами, стало еще светлее. У планирующих побег молодых людей осталась одна надежда – на высокий холм, заросший деревьями и травой, что закрывал солнце на его пути. Холм как назло был невысок, и не мог долго сдерживать натиск безразличного к бедам людей светила. Мозг Шерлок работал лихорадочно, но все что он успел породить, это лишь точный подсчет по углу зрения и предполагаемой высоте заросшей возвышенности, сколько у него есть времени, прежде чем солнце выйдет из-за преграды и осветит всю площадку своими лучами. Полученная цифра ошеломила и совсем сломила дух молодого естествоиспытателя. И как назло тумана не было! Не зачем нельзя было спрятаться, нечего призвать на помощь, посвятить в сообщники.

«Гады! Специально выбрали проплешь, чтобы видеть, не приближается ли кто! Сидим как на ладони!» – плевался про себя Шерлок, ругал он и друзей: Хисп сидел молча, потупившись, словно смирившись с судьбой. А Гутта... Он вообще кажется, породнился с грязным чудищем.

Вдруг, вместе с обжигающими глаза и душу лучами из-за холмов, Шерлок поднялся и с самым циничным видом, независимым даже от природы и всех богов, новых, существующих, и еще не открытых гением человека, спросил у всех сидящих, спящих и находящихся у костра:

– Где у вас туалет?

Малик отреагировал в своей манере:

– Весь мир вокруг – театр, а люди в нем актеры!

– Слушай, у тебя есть свои собственные слова?! – не выдержал Шерлок, но на полслове осекся. Малик усмехнулся, но злобно.

– Ты на нем стоишь! – подзадорил Морф. – Выбирай где тебе позволяет твой стыд, и моральное приличие.

– Везде, где нет посторонних глаз, – оглядываясь, сказал тихо Шерлок.

– Ой, велика важность, – просюсюкал Малик, но у него не вышло – сиплый бас лез наружу фальшью, – ведь среди нас нет девочек?!

Не понятно было: то ли он спрашивает, то ли утверждает.

– Или тебе есть что скрывать, умница ты наш? – вопрос на этот раз прозвучал отчетливо.

– А ты хочешь на что-то посмотреть? – Шерлок взглянул дерзко в пьяные глубокие ямы, откуда не переставал блистать огонь.

– Чего ты взелся? – удивился Морф. – Зайди туда, где твое приличие позволяет тебе расслабиться, но не дальше чем позволяем тебе мы... и вперед!

– Терпящему не до реверансов! – пояснил свои шуточки Шерлок, испугавшись за последствия.

Малик усмехнулся шутке.

Действительно мучимый нуждой, прежде всего социальной, Шерлок побрел к автобусу, по пути все рассматривая, озираясь, ища пути для отхода.

К несчастью путешествующих, все что им нужно было, находилось в разных местах. Да и сидели они сами в разных местах. Рюкзак Шерлока был позади костра, прямо под взглядом Малика, рюкзак с инструментом у автобуса, куда его затащили подельники главаря, растаскивая содержимое. Транспорт, дымящийся и гремящий, вообще был в стороне. Да и управлять им Шерлок мог только в теории. В общем, как заключил он, подбредая к автобусу, в котором храпели диким шумом спящие контрабандисты, связать воедино составляющие плана было ой как нелегко.

Управившись, и почувствовав себя вновь в форме, он пошел обратно, не спеша, будто обреченный, вступая на эшафот, растягивая секунды в года жизни, что не дожил. Вдруг что-то блеснуло из приоткрытых дверей автобуса, откуда доносился противный звук. Обладая отличной памятью, еще не потертой годами и болезнями, он прекрасно понял что блестело и тут же душу охладило решение всех проблем, отчего мозг заработал так как положено, получая на входе задачу, на выходе оставляя от нее лишь решение и логически верный путь. Тут же заглянув внутрь, поморщившись от мерзкого запаха стоявшего внутри, Шерлок убедился, что все находящиеся тут спят, и пройдя внутрь вынул револьвер из кобуры. При этом он чуть не выронил его. Теория теорией, а в реальности оружие было гораздо тяжелее чем казалось, когда он изучая историю знакомился с образцами из прошлого. Но это не могло огорчить именно сейчас. Все сходилось и мучения кажутся, превратились в мгновения изумленной радости. Не нужно больше полагаться на удачу, испытывать ее, надеяться и бояться, – теперь все зависело лишь от него. А уж рука у него не дрогнет...

Еще раз взглянув к костру, и видя как Тэдди спит мертвецким сном, а Малик сидит спиной к автобусу, он улыбнулся ехидно и с иронией. К сожалению, фортуна не хотела отдавать вот так просто даже одну человеческую судьбу наобум, тем более в ее собственные руки, поэтому улыбка стерлась, как только Шерлок увидел, что куда-то пропал Морф. Его не было видно в поле зрения, как ни силился выглядеть его замышлявший побег молодой человек.

Нашелся он быстро.

– Что-то высмотрел? – раздался голос Морфа позади, в дверях автобуса. Шерлок от неожиданности едва не вскрикнул, замерев. Благо пистолет он держал перед собой, прикрывая телом. Начал медленно поворачиваться, думая что делать. Решение пришло быстро, поскольку мозг был запущен удачным присвоением вседозволяющего оружия, так любимого прошлыми поколениями людей, применявших его как средство от многих проблем, выбирая самый короткий путь укорачивания жизни проблемам.

Когда Шерлок обернулся, Тэдди отошел с прохода и стоял сбоку, выпуская его. Это спасло всю операцию, так как бандитне заметил, что молодой человек, застигнутый врасплох, отходит от пустой кобуры, сжимая за спиной холодную сталь. Медленно спускаясь по ступенькам, он все продумал, осталось заставить трясущееся тело выполнить план. Ступеньки кончались, а ноги тряслись, хотелось взяться за поручень, но руки заняты.

– Выходи, выходи, – призвал Тэдди, зазывая рукой поспешить.

Шерлок вышел не задумываясь, но ища решимости, зная что можно и не отыскать ее. В то же мгновение, зажав пистолет сбоку, невидимом для бандита, обеими руками, придал максимальное ускорение тяжелому предмету, какое только мог, и со всей удали съездил им по лицу человека. По счастливой случайности, удар вышел точным и Шерлок попал всем телом оружия по носу и зубам скалящегося контрабандиста. Что-то хрустнуло и жертва безмолвно осела, всхлипнув и ударяя головой о металл автобуса. Мешкать нельзя было и осмотревшись дико, как самый дикий зверь, Шерлок удостоверился что никого не разбудил, для гарантии еще раз ударил по голове. Брызнула кровь, от нее стало тепло прозябшим рукам, благодаря неповоротливости которых и стал возможен точный и сильный удар, поскольку Шерлок не отличался выдающейся физической силой, в основном применяя лишь духовную.

Выглянув из-за автобуса, он убедился, что возле погасшего костра компания все та же и на тех же местах, приближался, делая знаки спутникам. Те непонимающе смотрели на него, выдавая приближение. Малик все также лепетал что-то несуразное, а Гутта слушал. Хисп зевал и чуть не клонился спать. Подошел к тому месту, где сидел еще недавно и не садясь, зевнул нахально и с самым невозмутимым тоном произнес, как пароль, как сигнал:

– Ну что, пора прощаться?

– Э-э... не понял? – спросил Малик, но таков был и вопрос всех кто еще сидел к кругу, не заснув и не пребывая во сне, избавляющем от боли. – С какой стати?

– Вот с этой, – не удостоверившись в том что оружие заряжено, достал его и наставил на врага Шерлок. Глаза Малика округлились и вспыхнули. Наверно он грязно выругался про себя, но тут же взяв себя в руки, улыбнулся:

– Брось... бросай эту игрушку. Она не для детей. Толку-то все равно не будет, – он не заряжен.

– В умелых руках и палка страшна, – съязвил Шерлок и добавил. – Видишь, я тоже могу умничать!

Малик кивнул, соглашаясь, но все же медленно поднимаясь. Шерлок на мгновение отвлекшись от него, с укором посмотрел на друзей, что опешив сидели подобно камням, взирая на него снизу вверх. – Подымайтесь, что сидите!

– Что делать? – осведомился растерявшийся Хисп.

– Иди к авто... И если сможешь заведи его...

– У вас ничего не выйдет! – заверил бандит, на удивление без злобы, будто пытаясь вызвать у самонадеянных беглецов страх перед опасным действием. Но у него не получилось и отступая назад, путники, задержанные лишь на время, да и то телесно, отправились туда, куда звала душа. Свободные духом, они не могли смириться с жалкой участью пленных, лишенных самостоятельности в принятии решений.

Возле джипа, с установленным на нем пулеметом, они замешкались, поскольку никто не знал как поступать. Быстро решили не тратить время на оружие, а сосредоточиться на нем, как на средстве передвижения. Запрыгнув в кабину, Хисп сдался очень быстро – он не знал что делать. Возмущаясь и чертыхаясь, Шерлок передал оружие, нацеленное на медленно подходящего, словно к порогу своей смерти Малику, он предупредил, чтобы друг стрелял, как только тот станет еще ближе. Уже в кабине, пытаясь вспомнить хотя бы теоретически, что и для чего здесь создано, услышал выстрел. Выглянул.

В двух шагах стоял Гутта, закрыв уши, и немного присев от неожиданности. Хисп же стоял в облачке сизого дыма и моргал глазами, готовый чихнуть. Используя наиболее подходящий момент, Малик дернулся резким движением вперед, но расстояние было слишком большим, поэтому он не пройдя и половины, был снова остановлен неточным выстрелом, превратившимся в предупредительный. Разбудив всю когорту контрабандистов, молодые люди так и не справились с автомобилем. Все что удалось – это завести старинного монстра. Не больше. Подоспевавшие на помощь коллеги Малика, несли в руках гораздо больше оружия. И если бы

оно от старости не заклинивало, то не поздоровилось бы путешественникам. В общей сложности, бандитам удалось произвести не более трех выстрелов. Оказалось, что привлеченный блеском, Шерлок случайно взял самое исправное оружие.

Найдя выход из положения, Шерлок сбросил тормоз и бросив какой-то хлам, лежащий на сиденье, на педаль, пустил авто под откос прямо на чистящих и перезаряющих свое старье бандитов. Благо машина стояло прямо к ним лицом, нацеленная на их жилище – ржавый автобус. Бросив все свое снаряжение, они бросились в стороны. Упал на землю и Малик, мимо которого пронесся грузовик. Этого временного замешательства хватило, чтобы Хисп хищным броском бросился к одному из рюкзаков у костра, и забрав его, побежал вдогонку убегающим со всех ног друзьям.

Оглядываясь, они видели как горел автобус и встрявшее в него авто, как бегают бандиты, разбуженные выстрелами и стоит не двигаясь, смотря им вслед, Малик. Еще через некоторое время беглецы услышали оглушительный треск, и в небе, на фоне фантастического, нереально красивого городского скайлайна гриб густого черного дыма, что тоже рвался на волю, к небу.

Друзья бежали без усталости, сами ноги несли их, одышка куда-то пропала, возможно, понимая, что во второй раз бандиты не будут столь поблажливы.

– Хорошо побежали! – вскрикнул Малик, смотря вдаль на сверкающих пятками налегке детей.

– Чего ты радуешься? Потеряли же прибыль! Одни эти одноногие черти остались... – вскричал окровавленный Морф. Тэдди бродил ходячим зомби, отяжеленной головой пытаюсь понять что произошло. Из-за пазухи выпала и разбилась бутылочка спирта. Настроение у него вовсе испортилось, он выругался и сплюнул сгоряча.

– Ничего бы мы за них не получили! – равнодушно ответил Малик, отнимая руку ото лба, поскольку убегающие удрали против солнца.

– Это еще чего? – возмутился Морф, всклокочивая жесткие волосы, живущие своей собственной жизнью.

– Такие скорее умрут, чем отдадутся в рабство. За них не дали бы той суммы, что они стоят. А за меньшее отдавать – грех.

– Ой-ой, не надо этих преферансов... Знаю – мальчишку ты себе присмотрел.

Малик ответил не сразу.

– Нет, мальчишек мне не надо... – отвернулся он и пошел к пожарищу. А возле костра полусидели, полулежали, образовав распорку, нелегалы. Один мертвый, другой еще живой, напуганный выстрелом.

– Они нам все равно заплатят за свои выходки, – с уверенностью в голосе сказал самому себе Малик. Его никто не услышал.

Первым бежал не оглядываясь, как и положено спортсмену, натренированному в прекрасном антигравитационном зале Ноттинг, Хисп. По звукам тяжелого дыхания он мог слышать что некоторое время его спутники следовали за ним. Но вот он начал замечать, что не слышит топота позади и шелеста травы, хлюпанье грязи. Остановился с опаской, оборачиваясь. Он задыхался, отчего почва под ногами казалась пляшущей. Друзья далеко отстали, выбрав лимит сил, они уже совсем шли, боязливо оглядываясь, ожидая погони. Последним плелся Гутта еле переставляя ноги.

– Что вы плететесь? – говорил за Хиспа страх, и он смотрел вдаль, откуда все пришли, а не на друзей. – Уже налегке бредем!

– Вот это-то и держит... Какой смысл теперь идти *туда*?

– Да... а казалось дел всего на несколько смен, – переводя дух и ожидая Гутту, сказал Хисп. – А теперь еще и об обратном пути нужно подумать.

– Еще немного и его может не быть! – закашлявшись горько заметил Шерлок. Когда подошел самый маленький из всей группы, он язвительно добавил. – А ты чего побежал? Вы так с этим типом сдружились?

– Ты сказал – я побежал... – прошептал Гутта, его лицо блестело, в глазах было мокро, а рот не закрывался. Ему не хватало воздуха. Он то и дело оборачивался. Вытирая рукой в перчатках лицо, он размазывал грязь, отчего стал похож на работника нижних уровней города. Только красивее и моложе. Те уж вовсе старцы, даже в двадцать пять лет. Впрочем, может и они в четырнадцать хорошо выглядели. Шерлок почти как Малик, присмотрелся к Гутте, давая отдохнуть и себе и другим. Он уже понял, бандиты не намерены преследовать – у них теперь других проблем достаточно.

– Какая исполнительность, – задумчиво сказал Шерлок. Хисп был занят другим. Он смотрел в сторону Метрополиса, что как заколдованный преследовал беглецов из него без устали. Он был словно луна, от которой сколько не беги, все равно догоняет. И сейчас, в пылу бегства, боковым зрением видел, как образ блестящих стеклом и формами зданий трусил за ним в такт его прыжкам, будто не желая отставать.

– Черт, никак не уберемся от этого монстра!

– Говоришь как этот тип, – злобно заметил Шерлок. Друг всплеснул руками.

– Он не любит город...

– Ну да, конечно, а на самом куртка из Indie's! Мой дядька, что побогаче моей семьи, и живет в дистрикте повыше, не может себе позволить там что-либо купить...

– А может он просто ограбил кого-то? – вставил и свое слово Гутта, когда одышка позволила это сделать.

– О, что я слышу – у нашего компаньона открылись вдруг глаза? – не удержался от иронии Шерлок. Он страшно злился на Гутту, еще со времен темноты, когда только подсели к костру.

– Хватит уже об этих! – не выдержал Хисп. – Что нам теперь делать?

– Ничего! Буквально ничего нельзя делать – ни раниться, ни жить, ни есть. Мы все потеряли, и если поранимся, – нечем будет залить рану, если проголодаемся, – нечем будет унять голод. И пусть планировалось провести в дороге три, четыре смены, все же многое сразу пошло не так... – тут Шерлок вновь взглянул на Гутту, который совсем приуныл от таких речей и взглядов.

Общим советом решили еще пройтись, без изнуряющего бега, чтобы вконец не выбить из сил организм. Ведь почувствовав некомфортный голод и страдания, он может не подчиниться в любой момент времени повелениям души, переданным через разум мозга и плюнуть как можно оскорбительнее на все мечты и стремления, поворачивая послушные ноги обратно домой, к очагу и обеду по расписанию, вызывая смятение и извечную борьбу между телом и душой, раздражающей человека как минимум надвое.

После бега, даже пеший шаг был приятен, особенно под палящим солнцем, что смотрело вниз, наблюдая картину гораздо масштабнее, чем люди на земле, окруженные деревьями и холмами. На удивление, местность была заброшена и здесь не было никаких признаков жизни, – лишь растрепанные временем и изживанием деревенской цивилизации большим городом ремнанты построек, испепеленных до фундаментов. Разбираемые временем останки, процессом, обратному постройке, забирающим надежду на новую жизнь назад, в сферу принадлежащую небытию, удручали. Поэтому некоторое время, пока не миновали древнее поселение голодные путешественники шли молча, даже не смотря друг на друга. Когда же стало совсем уныло от пустынных пейзажей, сменивших печальные следы бывшей жизни, они питались тем, что подкрепляли духовные силы взглядом вверх влево, где в туманных облаках, редких в прекрасный солнечный день, прорезая их насквозь, стрелой уходила в небо цель путешествия. Видная издали своей высотой и необыкновенностью, видом, она привлекала взгляды блеском хро-

мированных элементов, едва видимых издали. Лишь блеск их проходил на любое расстояние беспрепятственно.

Первым заметил это чудо, торчащем из-за ближайших холмов, до которых по правде еще было идти и идти, которое едва не улетучилось благодаря козням фортуны, зрелище, Гутта, что вскрикнув, указал рукой вдаль. Вид строения, сохраненное в памяти, позвавшее вдаль, освежилось и путешественникам стало не так грустно, вновь засверкали мечты, освежились идеалы, накопили новый импульс на последние голодные и усталые шаги.

Вышли на поляну, где явно показались признаки деятельности человека. На этом месте, зияющем плешинной природы, густо покрытой травой, торчали всюду, куда только не долетал взгляд, пеньки срубленных деревьев. Дальше начинался лесок, и холм, за которым притаилась мечта, подпирая небеса. Без предварительного согласия, уселись на пеньки. Как оказалось, вся хозяйственная деятельность закончилась тут очень давно. Как только Хисп взгромоздился на понравившийся ему импровизированный стул, как тот в миг рассыпался на кусочки, прогнув за долгие года под открытым небом. Веселое зрелище рассмешило друзей, и самого пострадавшего тоже. Он поднялся с земли, и струшивая труху и гнилую пыль, смеялся, поглядывая на друзей.

Шерлок снял ботинок и носок, под которым было синяя оболочка термокостюма. Сверх полезного при холоде и страшно докучливого в солнечный день. Сегодня был как раз такой. Тело потело и не могло избавиться от выделений, вдавливая их в привычную ткань. Современное одеяние, строптивное и своенравное, как и все остальное в нынешнее время, не желало принимать такой дар, возвращая обратно. Материал гибкий и пронизанный крошечными капиллярами, где как клад, хранилось тепло тела, возвращаемое с процентами, теснил, лип к телу, прижимался и отрывался от тела с неприятными ощущениями. Но чтобы снять костюм, нужно было совершенно раздеться, чего Шерлоку, естественно, не хотелось делать. К тому же он скоро, должен был понадобиться.

Гутта с удивлением поглядывал на все манипуляции старшего в их группе со своей одеждой, но сидел неподвижно. Хисп же сидел рядом и вдыхал чистый не разбавленный ничем воздух и наслаждался этим нехитрым способом. Обездвижив тело, он остыл и не хотел раздеваться, как Шерлок, которого даже в покое грели его бесконечные как город, что робко подглядывал за бегством верхушками высоченных зданий из-за деревьев позади, мысли.

Хисп оглянулся. Вдох вырвался у него глубоко из души.

– Мы когда-нибудь уберемся от него? – спросил он горько, отворачиваясь. Никто не ответил, не решившись нарушить почти божественную тишину, из которой лишь облагораживающими звуками проносились редкие голоса птичек, робко чирикающих в соседней чаще. Слабый ветер ворошил деревья, разнося их запах во все стороны. Вдруг у людей закружилась голова, вскруженная переизбытком кислорода. Их легкие, научившиеся добывать кислород даже там, где его не регистрировали приборы, порадовались такому подарку и работали с удвоенным энтузиазмом. Счастье, упоение входило через нос, а выходило вскриком радости через широко раскрытый рот. Впервые в жизни была почувствована свобода, приволье, вкус жизни, линия горизонта, не маскирующаяся в тумане.

– Долго нам еще идти? – поинтересовался Хисп, обращаясь к другу. Тот пожал плечами, не желая отрываться от созерцания сказочно-синего неба, в которую вцепилась мертвой хваткой Первая Запасная опора проекта Кастора и Поллукса.

– У тебя же часы есть? – сказал Гутта.

– Ну и что... Оглянись кругом! Кажется, они тут не действуют. Здесь природа, здесь свобода от несвободы подчинения. И пусть город преследует нас неотступно, сверкая огнями шпилей, но его законы-оковы, нравы и правила остались позади. Чему признаться, я несказанно рад. Ха, даже не знаю, для чего я пошел в этот поход. Чтобы побывать там? Или побывать здесь? – проговорил медленно, с остановками Шерлок.

– По пути, по пути! – наставил на путь истинный тот кто и должен был это сделать – друг. – Свобода всем хороша, кроме одного – кушать хочется. В несвободе хоть кормят. А здесь... Мы сами по себе, и уж, точно, лучше бы ты потерял часы, от которых не откусишь кусочек, чем все наши припасы и инструменты.

– Часы были при мне... а вещи нет.

– Вот так всегда – не нужное у сердца, – важное в чулане! Где им пользуются мышки и паучки...

Гутта смотрел то на одного молодого человека, то на другого, переводя взгляд во время смены акцентов.

– Да уж. От голода ты сочинишь не хуже Малика.

– Но ведь он тоже голоден?! По-своему, конечно, страшно. И все же...

– А что такое паучки и мышки? – спросил Гутта, не зная значение этих слов даже после того как перебрал в памяти все известные ему чудеса из прошлого. Удивился и Хисп:

– Ты что не знаешь что это такое? Никогда во сне не снилось, как на тебя спускается паук? Как он нависает над тобой спящим, покушается на святое и безмятежное, не могущее защитить тело? Или другие насекомые, огромные как... как... в общем большие? Да, много же ты потерял... эмоций!

– Откуда ему знать? – усомнился Шерлок. – В городе все отравлено и вытравлено. Чтобы, ни дай бог, кто-нибудь бесконтрольно проживал, транжиря не сжиженный кислород. Все уничтожили...

– Но мы же живем? – ответил Хисп, разминая спину и руки. Он присел, наклонился и сомкнул довольно крепко руки за спиной.

– Человек такая скотина, что выживет везде. Практически везде. Живучая тварь! Живучесть, терпение, приспособление – наша награда, наша ценность и наше же наказание. И к тому же было бы, по крайней мере, неразумно умереть от того, что сами и сотворили. Глупо как-то, не приличествует гению и покорителю мысли такой нелогизм! За все должен быть ответчик...

– Нет, брат – позволь впервые с тобой не согласиться! – возразил Хисп, присаживаясь уже на другой пенек, второй тоже расшатался. – Пусть отвечает тот, кто все это натворил. В чем повинен я? Или вот он?

С этими словами Хисп указал на Гутту, что сидел как настоящий объект, а не субъект беседы на привале, моргая красивыми детскими глазками, защищенными от всей грязи этого мира длинными ресницами.

– Ты часто со мной не соглашаешься, но поскольку в этот раз спросил разрешения – то разрешаю! Все, встаем и потопали. Не хочу до ночи засиживаться – мечта зовет. Мочи нет терпеть. Желудок вторит тоже самое, так зайдем хотя бы ноги, а затем и разум.

– Смысл идти, если без инструментов не сможем проникнуть внутрь... – предостерегал Хисп, поднимаясь и хватая тощий рюкзак, звякнувший ножницами по металлу. Они не пригодились бандитам, и скорее всего, были бесполезны в качества помощников и для путешественников. Все привстали, разминаясь, подергивая ногами, затекшими от сидения на неприспособленных для этого пенках.

– Так откуда ты, то есть где твой дом, где ты живешь? Как можно не знать таких обычных вещей? – удивлялся вслух Хисп, обращаясь к Гутте.

– Моя семья живет на улице Верроуз-Лейбовиц Стрит, во втором нижнем секторе! – почему-то с гордостью выпалил Гутта. Хисп лишь усмехнулся.

– О, почти соседи, – проговорил Шерлок. – С той разницей, что мы живем «этажом» ниже.

– Хм, а я вот что заметил, что чем круче название улицы, носящей имя деятеля покрупнее, тем хуже сама улица! Вы, друзья, не находите? – скопировал Хисп говор Шерлока. Пародуемый улыбнулся и ответил по-своему:

– Заметил, и очень давно. Это как с купюрами – чем меньше номинал, тем более выдающийся деятель ее населяет, так сказать, чтобы народ погрязнее, пониже, который и составляет основную массу населения, просвещался, узнавал своих героев.

– А богатым, у которых банкнот крупным номиналом больше, разве не нужно просвещаться? – усомнился Хисп, получив в ответ сначала ироническую улыбку друга:

– Им просвещение ни к чему!

– Гм, но ведь так дела обстояли и раньше!

– Всегда было, и будет.

– Но зачем тогда было менять...?

Хисп не договорил как его перебил Шерлок, разозлившись:

– А ты прикинь своим разумом! Но в том что я сказал, можешь не сомневаться – взгляни для подтверждения на меня – я достиг в научном плане всего, что рекомендовала Евгеника своим претендентам. И что? Где я живу и что делаю, знаешь сам... недалеко ушел от Верроуз-Лейбовиц Стрит!

– Э-э, не наговаривай! – вступился за свое жилище Гутта. – Очень приличное место. Иногда даже солнце видно. Хотя и редко... Но так даже лучше – вот сейчас много солнца и что, – только глаза слезятся и ничего больше!

– Ну вот и довольствуйся счастьем «иногда», по частям, дозировано. А мне нужно все и сразу! – Шерлок был зол, оттого что его так нахально перебил молокосос. – Разница между боссами Евгеники и мной... нами, всеми нами – в том что они взяли свое, а мы ждем подачки!

– Ошибочка, извиняюсь, – вмешался Хисп. – Если все захотят взять, то не хватит никому.

Шерлок уже открыл рот, чтобы что-то сказать по этому поводу, но прервался не начав. Лишь махнул рукой. Пошли вглубь чащи молча.

– Есть охота... – пробурчал Гутта, после того как они прошли еще несколько миль, углубившись в лес, не очень густой, но забиравший излишки солнца, к которому люди не привыкли. Свет проникал между листьями, подсвечивая путь свой золотистыми линиями, даря прекрасную картину. Шелест травы и веток под ногами, тишина и умиротворение разлились томной прохладой между деревьями. Головы кружились и пьянели, язык заплетался, говорил глупости, срывая улыбки и у говорящих и у слушающих.

Загребая носком обуви опавшую листву, потерявшую цвет, веселился Гутта, ему помогал в этом нелегком занятии праздной прогулки Хисп, а Шерлок делал тоже самое нахмуренным. Наконец, прохлада и зайчики лучей промыли окна его души, и он тоже тихо ухмылялся.

– Что, голодные мои друзья, почему же не ели у костра? – вопрошал он, бодро шагая, подминая под себя лесную подстилку, прорываясь сквозь кусты. Они отчаянно сопротивлялись, кололись, однако упакованному в толстые одежды человеку все было нипочем.

– Чтобы мы паучков и мышек ели? – крикнул Гутта почти бегущий в пяти шагах стараясь не отстать от старших товарищей. Эхом вернулся его вопрос. Удивила красота и рифма в нем. Впервые он слышал свой голос таким громким и неуправляемым – слизь у подножия города не отражала звуков, поедая их. Понравилось.

Солнце проделало три четверти пути положенного ему на светлую часть суток, и готовилось упасть в океан моря, когда друзья, насмеявшись, уперлись лоб в лоб с очередной проблемой. Они вышли из леса, поднимаясь в нем сначала на холм, затем спускаясь. И вот теперь они вышли на берег моря, сзади поджимаемые деревьями, спереди водой. Узкая песчаная полоса берега, вперемешку с мелкой галькой, омывалась чистейшими водами моря.

Подошедший к краю воды, осторожно пробуя краешек суши, Гутта зачерпнул рукой горсть воды. В ужасе отпрянул, вылив ее обратно, вытирая руку об одежду.

– Черт, такая чистая... такой даже в кране нет.

– Да, это тебе не порт с его отходами и не городская канализация, называемая водопроводом, из которого мы поглощаем то, что извергли! – подходя к воде чтобы убедиться в чуде, сказал Шерлок. Вода действительно оказалась прозрачная, сквозь нее по всем правилам законов природы преломлялись камешки илистого дна.

– Природа и красота это все хорошо, но что делать дальше? – спросил Хисп глядя вдаль над поверхностью вод, там где из воды выростала Запасная Опора, построенная так давно, но все равно блестящая хромом в лучах солнца. Конец ее не был виден из-за огромного расстояния. Зато в синеве высоты ее нестройное, извилистое путешествие в высоту видно было отлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.